

ЮРИИ НИКИТИН

ИМАГО

Юрий Александрович Никитин
Имаго
Серия «Странные романы»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127950*

*Имаго: Эксмо; 2007
ISBN 978-5-699-20679-7*

Аннотация

Не короли правят миром, и даже не олигархи. И не доллар, как на полном серьезе уверяют экономисты. Мир заставляют двигаться в ту или иную сторону, останавливаться или топтаться на месте – идеи. Их рождают люди... там, где этого меньше всего ожидают.

А любая идея о «правильном» устройстве общества приводит к большим потрясениям, чем полномасштабная ядерная война.

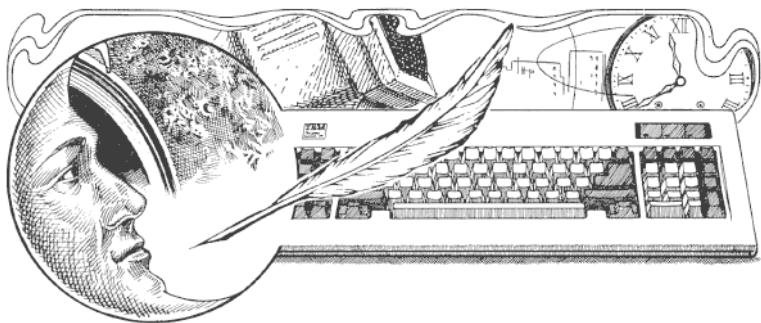
Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	52
Глава 5	73
Глава 6	93
Глава 7	112
Глава 8	127
Глава 9	144
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Юрий Никитин

Имаго

Часть I

Глава 1

Я морщился, сдвигался направо и налево, но в глаза нестерпимо ярко бьет оранжевый лазерный луч. Далекий горизонт в красных искрах, небо залило багровым. Широкая красная полоса всползла по стене наверх, там ее размазало, истончило. В зале ненадолго потемнело, но вспыхнула люстра, сразу отделив наш мир уютного пивного бара от неустроенного мира улицы.

Здесь светло и чисто, оранжевые искорки прыгают по стеклу кружек, по выпуклостям вилок, ножей. За окнами, напротив, быстро сгущается тьма. Там, как в лесу, едва слышен шорох – не то волчьих лап, не то шуршание диких машин, а здесь еще очнулась и выползла из норки музыка – с нею наш мир отгородился, обособился от чужой вселенной.

Я откинулся от стола, передо мной тарелка с горкой разделанных креветок. Пустые кружки со звоном сдвигаем на край стола все небрежнее и небрежнее, движения теряют четкость, а разговор – связность...

– Вы ребята крепкие, – сказал Вяч, он бережно опустил четыре полные кружки на стол, – вы это выдержите!

– Хорошего пива должно быть много, – поддержал Искун.

Я покосился на янтарное чудо с неудовольствием. Не дай себе засохнуть, твердят на каждом шагу, но сегодня с утра был дождик, воздух влажный, земля сырая, а солнца нет. Я не особый пивун, или пивец, как там правильно для питухов пива, – в жару потребляю с охотой, а сейчас больше по рефлексу.

– Отлущусь на минутку, – сказал я.

Поднимаясь, ощутил, что давно пора. Мочевой пузырь раздут так, что едва не брызнуло. Туалет на той стороне зала, расположен удобно, от каждого столика его видно, так что очередь перед дверью не возникает. Лавируя между веселыми компаниями и одинокими парочками, я добрался до обещанного места, ввалился, еще в комнате для мытья рук

начал на ходу расстегивать «молнию».

В большом окафеленном помещении три унитаза под стеной, по три писсуара на соседних стенах. На среднем унитазе раскорячилась хорошенькая молодая женщина с коротенькой стрижкой. Она сидела, пригорюнившись, подперев кулачком подбородок, отчего милая мордашка перекосилась, приняла совсем уж комичное выражение. Услышав мои торопливые шаги, подняла голову. Я увидел большие карие глаза, теплые и добрые, чистое личико, хорошей формы крупные губы.

– Привет, – сказал я и повернулся к ближайшему писсуару.

– Привет, – ответила она нейтрально. Предупредила: – Только не болтай своей ерундой, хорошо? Я не люблю брызги... после пива.

– А если после коньяка? – спросил я.

– Не брешь, – уличила она. – После коньяка запах другой.

– Сдаюсь, – ответил я. – Что делать, пиво нельзя купить, его можно только взять в аренду.

Неимоверное облегчение наступало быстро, а когда освободил половину мочевого пузыря, едва не запел арию Калиюги или Фигаро. Во всем теле необыкновенная легкость, жизнь хороша, и черт с ней, дождливой погодой, здесь средиземноморское солнце, поют и порхают райские птицы.

Девушка хотела что-то сказать, явно ехидное, но лицо ее покраснело, напряглось, через мгновение под нею булькнула

вода.

– С облегчением, – поздравил я. – Глазки не лопнули?

– Иди-иди, – сказала она недовольно. – Не мешай человеку трудиться.

– Труд из обезьяны сделал женщину, – сообщил я. – Вдруг из тебя тоже...

Она не ответила, надулась, напряглась, как штангист при толчке рекордного веса, но звука плеснувшей воды я не услышал.

– Свинья, – сказала она.

– Извини, – сказал я виновато. – Больше отвлекать не буду.

Мой мочевого пузырь пел, внутри меня все плясало и просилось вскочить на коня и врубить газ или хотя бы гордо выпятить грудь. Я снова ощутил себя готовым на все сто геракловых подвигов, тысячу зениных и уйму конины. Когда я иссяк до капли, пальцы бодро дернули «молнию», я поправил пояс, все хорошо, но теперь, когда мочевого пузырь не кричит криком, стала заметна тяжесть в кишечнике. Конечно, можно отложить это мероприятие и до возвращения домой, но на кой фиг, когда рядом два свободных унитаза?

Я расстегнул брюки, сел рядом с девушкой. Было бы унитазов четыре, сел бы через один, комильфо, при подходе к писсуару тоже никто не встанет рядом, если есть хотя бы два свободных в одну сторону. Одни правила остались с пещерных времен, как то: пожимание ладони; другие возникают

ежечасно, как вот эти, когда кампания против дискриминации привела к уничтожению перегородок между мужскими и женскими туалетами. Больше сопротивлялись государственные учреждения, а мелкие частные кафешки сразу приняли этот закон: это ж пара добавочных писсуаров на освободившихся площадях!

У меня кишечник в порядке, девушка с завистью прислушивалась, я подмигнул ей, мы почти касаемся локтями, она пожаловалась:

– У меня анус ровный и бархатный, но где-то глубоко либо шишки, либо каверны!... А слабительным не пользуюсь.

– Почему?

– Говорят, вредно.

– Да плюнь, – сказал я, – раз живем. Меня зовут Бравлин.

Она переспросила:

– Это имя или фамилия?

– Имя, – пояснил я с неохотой. – Дед настоял, в честь какого-то древнего...

– Ничего, – утешила она. – Сейчас уже принят закон, что имя человек может менять сам. Чтоб не зависеть от произвола родителей. Как ники.

– Ники я меняю каждый день, – возразил я. – А имена можно только вместе с обменом паспорта. Раз в пять лет! Когда новую фотку вклеивают.

Она замолчала, тужилась, щеки порозовели. Наконец внизу булькнула вода, послышался вздох облегчения.

– Меня зовут Таня. Здесь стояли перегородки, да?

– Еще какие, – сказал я. – Даже мужчины прятались друг от друга.

– Дикари!

– Наверное, еще и кусались.

Некоторое время мы сидели молча, тужились. Я выжимал из себя остатки, она добросовестно трудилась над основной массой. Вошли двое парней, пописали, переговариваясь, на нас не обратили внимания, как и мы на них, потом зашла женщина, присела ненадолго на третий унитаз, пожурчала, пожаловалась нам на отсутствие биде, использовала раковину с той же целью, высоко задирая ногу, я мог оценить умелую и дорогую интим-прическу, а в соседней комнате долго и тщательно мыла руки, прихорашивалась перед зеркалом, красила губы и ноздри.

Мы с Таней закончили свой приятный труд одновременно. Я оторвал полосу туалетной бумаги, в последний момент сообразил, что и Таня перешла в завершающую фазу своего труда, галантно подал бумагу ей. Она милостиво кивнула, ее длинные пушистые ресницы благосклонно опустились, принимая дар.

– В самом деле, – сказала она, – не помешало бы биде.

– Это же не люкс, – заступился я за кафе. – Если не находишь свою попку, давай я тебе вытру.

– Обойдешься, – отрезала она. – За своей смотри. А то...

– Что, запах?

– Даже туман.

– Это креветки, – объяснил я. – Несвежие, наверное.

– Ты и дома лопаешь креветки?

Я вытерся, бросил бумагу в корзинку, спустил воду. Таня испачканную бумажку внимательно рассмотрела, потом лишь бросила под себя в воду, уничтожая улики, как разведчица-профи. Я с интересом наблюдал, не воспользуется ли тампаксом, я бы предложил свои услуги, но она всего лишь быстро и ловко, не кокетничая, но и не демонстрируя чересчур подбритый треугольник с темными курчавыми волосками и вызывающе выдвинутыми внизу ярко-красными губами, старую прокладку швырнула в корзинку, заменила свежей.

В прихожей долго мыли руки, стоя рядом и касаясь локтями. От нее шло неясное животное тепло. Я смотрел в зеркало на ее, в самом деле, очень милое лицо, немножко грустное, рассматривал большие карие глаза, теплые и ласковые, красиво вздернутые брови, голову на отрез, что не за счет косметических ухищрений, с такими бровями она словно бы не перестает всему удивляться.

– Странно, – слышал я ее тихий шелестящий голос.

– Что?

Теплые струи лились в ладони, а мы смотрели в зеркале друг на друга.

– Сколько себя помню, – пояснила она, голос ее стал задумчивым и невеселым, – меня учили получать наслаждение

от музыки Моцарта, Чайковского, Шуберта... Я и получала, честно! Но вот это чувство, когда по прямой кишке двигается твердый ком, а потом плюхается в воду... Это удовольствие намного сильнее, честное слово. Мне стыдно, но это так.

– У всех так, – утешил я. – Кто говорил иначе, врал. И все врали. А сейчас пришло, наконец, время правды.

– Это, наверное, хорошо?

– Хорошо, – сказал я. – Это хорошо.

Мы завернули краны, оба подошли к сушильным аппаратам. Включили одновременно, наши глаза встретились. Ее губы поползли в стороны, я сам невольно улыбнулся. Конечно, все на выходе из туалетных помещений ведут себя одинаково, но мне почему-то захотелось, чтобы между нами в самом деле было что-то общее.

Она медленно поворачивала ладони с растопыренными пальцами под горячей струей сухого воздуха. В ее движениях почудился неуловимый загадочный танец. Я повертел ладони перед сушилкой в ритме чечетки или лезгинки, типа «а ручки-то вот они!», сам бы уже вышел, но почему-то захотелось дожидаться, пока Таня высушит пальчики, распахнул перед нею дверь.

От стойки с четырьмя кружками пива сосредоточенно двигался Искун. Кружевные шапки пены колыхались на три пальца над краем. Одна уже поползла по стенке, на пол срывались хлопья, словно от скачущего в гибнущий Толедо ко-

ня. Завидев меня, Искун подмигнул, кружки звякнули, от чего еще с одной пена потекла на пол, оставляя следы, словно за русалочкой Андерсена.

Я пошел к своим, Таня к своим, но у меня осталось странное чувство, что ниточка все-таки не оборвалась.

Через полчаса начали соловеть, а этого не любит ни Вяч, он же Софьин Вячеслав, мой однокашник, а ныне кандидат наук, ни Искун, он же Шевчик Василий, этот сейчас в некоем бизнесе, рассказывать о нем очень не любит, ни я – Бравлин Печатник, вопреки всему миру предпочитающий все свободное время работать, а не расслабляться. Исключения бывают, как вот сейчас, но не часто. Не стоит выглядеть белой вороной, это осложнит жизнь больше, чем пара кружек пива. Тем более, если пиво хорошее.

Распрощались, уговорились встретиться через месяц-другой, пожали друг другу руки. Вяч и Искун сразу же ввалились в припаркованных крокодилов, у Вяча – джип, у Искуна – «мерс» с затененными стеклами, я помахал им рукой и пошел пешком. Нет, я не бомж, у меня «Форд», но отсюда до дому всего два квартала, а «Форд» ждет меня в охраняемом и отапливаемом гараже...

Улица хорошо освещена фонарями и рекламами. Это не Центр, где собрано все-все, а дальше улица постепенно теряет блеск и богатство. Там темно, витрины побиты, рекламы нет, а улица освещена только фарами торопливо пронося-

щихся автомобилей.

Впереди на огромном рекламном экране взрываются самолеты, поезда, выскакивают бравые коммандос, а злодей прижимает пистолет к боку жертвы с длинными золотыми волосами и требует от героя бросить на пол оружие. Бред какой-то. Всем троим ясно, что едва благородный бросит, неблагородный тут же застрелит его, а потом и ее... На что, дурак, надеется? Что злодей скажет несколько высокопарно-наглых слов, за время которых надо что-то успеть сделать...

Бред, повторил я молча. Я бы выстрелил в злодея. Если не уверен, что попаду, подошел бы ближе, держа его на прицеле, и шмалянул прямо в лоб. Или в переносицу. Мало шансов, что он успел бы нажать курок, уже будучи трупом. А если бы и успел... Что ж, живем не в самом идеальном мире. Но это лучше, чем убьет нас двоих, а сам останется жить и пойдет пить пиво, которое пил бы я.

Навстречу с диким воем прямо по тротуару на высокой скорости неся зеленый в пятнах военный джип. Прохожие прыгали в стороны, прижимались к стенам, прятались за деревьями и столбами, соскакивали на проезжую часть. Здесь патруль стреляет настоящими пулями, в то время как там, «у себя», – резиновыми. А стрелять может по любому поводу, их все равно любой суд оправдает. Наш российский суд оправдает, юсовцы такие гнилые решения оставляют всегда нашим шабес-гоям.

Один из прохожих закричал вдогонку:

– Что делаете?.. До вашего посольства еще сколько кварталов!

Остальные молчали, только один худой желчный субъект сказал обреченно:

– А кто им помешает?

– Гады!

– Сволочи!

– Да что вы, мужики, – прозвучал чей-то рассудительный и очень интеллигентный голос, – зато больше порядка... Все-таки культура, Европа пришла...

Я осторожно сошел со ступенек подъезда. Еще месяц тому юсовский патруль охранял только квартал, где посольство. Но потом на автобусе привезли, как показали по телевизору, откормленных суперменов, все в железе, обвешаны электроникой, доспехи не пробить даже снарядом, а у самих и радары, и лазерные целеуказатели... Теперь уже четыре джипа патрулируют квартал. А когда был там какой-то инцидент, кто-то из мальчишек бросил в юсовца гнилым яблоком, они расширили зону патрулирования до всего микрорайона. Говорят, жильцы довольны.

Подпольная газета РНЕ обвинила юсовцев, что они сами спровоцировали, а то и организовали инцидент с яблоком, но типографию тут же в очередной раз разгромили «возмущенные демократически настроенные граждане», газета надолго перестала выходить, а в это время в Москву срочно

прилетел знаменитый секс-клоун Джон Ланкастер, шоу дал прямо на Красной площади, молодежь в восторге, все забыли, а что юсовский патруль постепенно расширяет зону охраны, как-то прошло незамеченным.

Обгоняя меня, к остановке подкатил ярко освещенный автобус. Все двери распахнулись, из передней вышел мужик с толстым портфелем, с задней легко соскочила светлая, как бабочка-белянка, девушка: белое платье, белые туфельки, а пышные волосы настолько светлые, что почти седые. Даже кожа белая, как у вампириши: рано утром на работу, вечером – на учебу, подруги щеголяют загаром, а ее вижу вот только в позднее время...

– Привет, Марьяна!

Девушка заулыбалась мне светло, кивнула. Идет ровно, выпрямившись, взгляд устремлен чисто и прямо. Среднего роста, стройная, но без той модной обточенности, которую дают упорные занятия шейпингом, фитнесом. Вон Таня походит на фигурку шахматной доски, даже как будто покрыта лаком, а Марьяна словно нежный акварельный рисунок: нежное тело юной девушки под закрытым целомудренным платьем, пышно взбитые золотые волосы обрамляют нежнейшее лицо с большими голубыми глазами, чистыми и невинными, как у дорогой куклы, что еще больше подчеркивает пунцовость рта.

– Привет, – сказал я. – Ты как фея.

Она вскинула высокие светлые брови. Голубые глаза за-

жглись любопытством.

– Почему?

– Вижу тебя только на Рождество, – объяснил я.

– Но сегодня же не Рождество?

– Я ж и говорю, чудо!

Она весело рассмеялась, на розовых нежных щечках появились чудесные ямочки.

– Рождество – семейный праздник! Я всегда с родителями.

Впереди толчками приближался подъезд, мне хотелось замедлить это чудесное мгновение – Марьяна в самом деле похожа на фею: изумительно чистое лицо светится изнутри, добрая улыбка, добрые лучистые глаза.

Она не в моем вкусе, по мне больше высокие гордые красавицы с холодным взглядом, с короткими, черными как вороново крыло волосами, в облегающих одеждах, что подчеркивают их натренированные в шейпинге тела. Марьяна же – рождественский ангел: от нее свет, тепло, покой, счастье. Кому-то здорово повезет, такие женщины становятся верными и любящими женами, рожают здоровых и веселых детей...

Я вздохнул, открыл ключом дверь подъезда, распахнул перед Марьянкой. Я уже не в том возрасте, когда придумывают нечто необыкновенное, принцесс или королев, но Марьяна, как мне кажется, – верх счастья обыкновенного человека, а я ведь необыкновенный, со мной не может не случиться нечто необыкновенное...

Или сегодня в пивном баре уже случилось?

Глава 2

На лестничной площадке исполняют ритуал с сигаретами двое соседей: Майданов и Лютовой. Демократ и наци-патриот, то есть полная противоположность взглядов, но по внешности близнецы и братья – оба в чистых отутюженных сорочках, при галстуках, брюки и туфли – это в такую жару!

Правда, у демократа Майданова рубашка нахристь, узел галстука ослаблен едва ли не до средней пуговицы, волосы взъерошены, движения суетливые, свободные, Лютовой же подтянут, как прусский барон, по-арийски холоден, сдержан, следит за каждым своим жестом. Не то что руками – лицом не шелохнет без надобности. Волосы в порядке, аккуратная прическа, подбородок чисто выбрит, в то время как у демократа щетина двухдневной давности.

Я взглянул на помятые брюки Майданова, тот застеснялся и вроде бы невзначай провел там рукой, держа большой палец оттопыренным. Так, не глядя, мужчины проверяют, застегнута ли ширинка. И хотя вроде все в порядке, но Майданов запунцовел, он самый что ни есть интеллигент, профессор, преподает историю этики, для него в помятых брюках выйти за дверь – дикий моветон... хоть и постоянно выходит, он же демократ, а демократия – это свобода, это пошли эти все на фиг всякие правила этикета, придуманные людоевиками и петрапервыми.

Едва мы с Марьянкой вышли из лифта, Майданов расплылся в улыбке, а Лютовой бросил быстрый испытующий взгляд, мгновенно охватив нас обоих, просканировал наши лица, но сам не двинул даже бровью, холодные серые глаза смотрят безо всякого выражения.

– Здравствуйте, – сказала Марьяна и добавила обидчиво: – А почему не на веранде? Я там цветы поставила...

Майданов сказал с виноватой скороговоркой:

– Доченька, цветам сигаретный дым вреден!

Лютовой сказал, чтобы что-то сказать из вежливости:

– Мы на минутку. Работы много. А цветы, знаете ли, обзывают...

Марьяна пошла к своей двери, я к своей. Между лопаток я чувствовал их взгляды: жаждущий общения и разговоров о духовности Майданова и острый, как прикосновение холодного клинка, – Лютового. Мы все живем на последнем этаже, на просторную лестничную площадку выходят двери наших четырех квартир, это слева, и еще четыре квартиры справа, но у тех своя веранда, и в нашей тусовке они почти не участвуют.

Наш дом вообще-то считается строением улучшенной планировки. Когда-то это вообще называлось элитным, но теперь элитные – ого-го, не по карману даже профессуре, но дом неплох, консьержка, охрана, не загажен. В каждом крыле стандартный набор: однокомнатная, две двух- и одна трехкомнатная. Моя дверь в однокомнатную, соседнюю

квартиру занимает Майданов, он с женой и Марьяна в двухкомнатной, вторая двухкомнатная принадлежит Лютовому, а трехкомнатной владеет Бабурин. Недавно он провел очередной ремонт, по дому снова пошли завистливые слухи о невероятной роскоши, с которой отделал квартиру. Впрочем, я сам видел, как из дома напротив собирали весь паркет и всю мебель, которую он выбрасывал на мусорную кучу.

Если я – доктор наук, Лютовой – бизнесмен, Майданов – профессор и, ессно, тоже доктор наук, то Бабурин – глава партии болельщиков «Спартака». Под давлением так называемой мировой общественности наши нынешние власти всеми силами и трюками начали кампанию поощрения посещаемости футбольных матчей. Цены на билеты сперва снизили до минимума, а недавно вообще сделали бесплатным вход на все стадионы, дескать, *panem at circenses*. Во время игр на трибунах поощряется раздача сникерсов и хот-догов, с таких фирм снимают часть налогов. Курсируют бесплатные автобусы между стадионами. Создаются конкурирующие группы болельщиков. Их освещает телевидение, у них берут интервью, их портреты публикуют в журналах и газетах. Так что наш Бабурин – звезда, перевешать бы всех, придумавших такую цивилизацию...

Я начал открывать дверь, в щель навстречу пахло луковым супом... нет, это уха, значит – в доме отец, он заядлый рыболов. Отец любит приходить ко мне и «наводить порядок». Раньше он понимал под этим шугание непотребных

девок, а он всех считал непотребными, что являлись на квартиру к молодому одинокому парню, ребят расспрашивал, кто они и где работают, не наркоманят ли, а теперь то ли постарел, то ли решил, что пора ослабить поводок – только следит, чтобы все было постирано и не слишком намусорено. Он и сейчас сразу же сунул мне в руки полное мусорное ведро.

– Вынеси! Заодно узнаешь, где у вас в доме мусоропровод.

– Папа, – сказал я укоризненно, – здравствуй!.. Две недели не виделись.

Он отмахнулся.

– Здравствуй-здравствуй! Неси, суп готов, сейчас наливать буду.

Я потащился на лестничную площадку. Майданов и Лютовой все еще стояли с сигаретами, Лютовой с иронической усмешечкой рассказывал ленивым голосом аристократа:

– ...А сегодня и сам столкнулся. Еду на велосипеде по лесной тропке. Справа и слева – деревья, кусты, травянища коною по брюхо... Далеко впереди на этой тропке автомобиль. Просто загородил собой всю дорогу. Все четыре двери распахнуты, жара, а в кустах не меньше дюжины черных. Нет, черножопых, так вернее...

Майданов тут же болезненно поморщился. Любое расистское или просто не «общечеловеческое» высказывание для него личный выпад, Лютовой знает, часто дразнит просто так, сейчас же не прикидывается, в самом деле свирепеет на глазах.

Заинтересованный, я с ведром в руке остановился.

– Народ пугливо огибает, – продолжал Лютовой, – пробирается через кусты. Я еду медленно, дорога в гору, все вижу, закипаю. Подъехал, выругался, остановился и начал рассматривать номер. Черные забеспокоились. На мне не написано, что я – русский. Русские так себя не ведут, они трусливо и униженно обходят это черножопье по широкой дуге. А этот мужик, как они смотрят на меня, на дорогом велике, за такой можно машину купить. Похоже, юсовец. А юсовцы, хоть и скоты, с которыми разберемся потом, после русских, пока на их стороне, помогают дотаптывать русских.

– Ну зачем же так, – возразил было Майданов, но Лютовой продолжил:

– Я обошел машину, снова повернулся и, морща лоб, сделал вид, что старательно запоминаю номер, так как карандаша и бумаги в моих шортах не оказалось. Закричали, примчались черножопые дети, захлопнули все двери. Крик продолжался, прибежала черножопая особь мужского пола, вскочила за руль и вломилась машиной в кусты, освободив дорогу. Даже поцарапала капот корягами, но это им лучше, чем если Россия возьмется за топоры! Постоянно, милый мой Андрей Палиевич, постоянно эти черножопые пробуют местных на прочность! При малейшем отпоре отступают. Но в том-то и дело, что местные, читай – русские, отпора не дают! И чернота, не встречая отпора, наглеет. Положение облегчается им тем, что обычно держатся группками, а русские

либо поодиночке, либо по паре... К слову сказать, помню, в шестьдесят первом в Соколином Бору было разорено гнездо последнего сокола. Вороны, потеряв естественного проредителя их рода, обнаглели, бешено расплодились. В восемьдесят пятом в Кремле было вынужденное совещание «по вороне», что загадили уже и Кремль. Знаю, так как тогда же писал отчет об этой проблеме в «Социалистической индустрии». Решено было завести соколов и попробовать их акклиматизировать заново. Скинхеды, дорогой Андрей Палиевич, – необходимы! Жизненно необходимы, так как все другие методы по подавлению черных ворон, разносчиков заразы, пока показали свою нежизненность и недееспособность.

Майданов заговорил быстро, возмущенно:

– А вам стало бы легче, если бы вместо чернозадых там были наши братки?... То же самое можно сказать и о юсовцах. Мне как-то без разницы, какое быдло топчется по улицам. Но юсовское быдло хотя бы зубы чистит и улицы убирает. А Бадхеда и мыльные оперы я не смотрел и раньше... Кстати, юсовцы и не принуждают. Хочешь – смотри, не хочешь – не смотри.

Этого я стерпеть не мог и, чтобы не ввязаться в бесплодную дискуссию с Майдановым, который слышит только себя и манипуляторов из юсовского посольства, потащился с полным ведром до мусоропровода. Эта широкая, как нефтепровод, труба у нас в отдельной комнатке, чтобы не портила даже самым дружественным интерфейсом облик благо-

устроенного этажа. Я сердито гремел ящиком, вытряхивал из ведра... отец никак не привыкнет, что проще мусор складывать в пластиковый пакет и выбрасывать целиком. Этот Майданов просто самовлюбленный дурак, милый интеллигентный дурак, но он олицетворяет самую тупую, но вроде бы образованную часть населения, именующую себя гордостью нации, то есть русскую интеллигенцию, которая обществу неподсудна, зато сама берется судить и указывать всем, как жить и о чем думать.

А ведь на самом деле – просто обыватель. Обыватель всегда намного лучше аргументирует и защищает свою точку зрения, чем любой новатор. Обыватель практически всегда «интеллигентнее», ибо пользуется обкатанным набором «вечных ценностей», в то время как новатор хочет что-то изменить, добавить или отменить, а аргументация еще не отработана в многолетних... да что там многолетних – много-сотлетних дискуссиях.

Обыватель всегда выглядит правым, а среднему человеку так хочется выглядеть правым! И так хочется упасть на правильную сторону забора... А тут что гадать, что выбирать, когда и так все ясно: кто защищает «вечные ценности», тот выглядит умнее. Или хотя бы начитаннее. Главное, выглядит.

Ящик наконец встал на место, я с грохотом закрыл заслонку, по трубе загремело, будто вниз летела двухпудовая гиря. Или бомба исламских террористов.

Возвращаясь, еще из-за угла услышал распаленный то-ропливый говорок Майданова:

– Вы... как вы можете?.. Но если уж вы такой сторонник жестких решений, так вот получите жесткое!.. Я ненавижу говорить недобрые слова, но... вы самиnapросились!

Лютовой стоял ровный, как столб, он всегда старается держать спину прямой, а живот подтягивает. Серые глаза смотрели на Майданова без выражения, но когда увидел меня, взгляд чуть потеплел.

– Длинное вступление, – заметил он с усмешкой. – Чем это вы хотите, но никак не решаетесь, меня по голове?

– А тем, уж простите, – сказал распаленный Майданов, – что сперва наведите порядок в своей стране, а потом получите право голоса! Я не понимаю, я просто не понимаю, уж простите... как можно пытаться учить могучую Америку, как жить, если у нас дороги, уж простите за грубое слово, засраны, автомобили наши уступают штатовским... Да и вообще, вообще! До тех пор, пока Америка богаче, она имеет право учить всех, как жить, что думать, какие книги читать и какие шоу смотреть.

Лютовой смотрел исподлобья, но не заводился, как я опасался, на губах ядовитенькая усмешка.

– Да, – проронил он, – так думают наши русские интеллигенты и юсовские... интеллигенты.

Майданов сразу завелся, покраснел, возмутился, сказал распаленным голосом:

– Простите, вы уж чересчур отрицаете наличие в Америке интеллигенции!

Лютовой сказал с прежней ехидненькой усмешечкой:

– Что вы, что вы! Я не отрицаю, наоборот!.. Там сложилась особая такая интеллигенция... У нас этих людей называли раньше иначе, но раз уж наша русская интеллигенция тоже стала такой же, то будем всех считать интеллигентами скопом. Я к тому, что эти... гм... интеллигенты-общечеловеки думают одинаково. Пока, дескать, у России не будет такой же уровень... можете перечислять дальше сами – зарплаты, компьютеризации, наркомании, СПИДа, гомосексуальности... она должна покорно слушать Америку и ни в коем случае не предлагать какие-то свои пути. То есть обыва... тьфу, интеллигент сейчас, по сути, победил во всем мире. Старая общемировая истина, что не в деньгах счастье, этими... э-э... интеллигентами благополучно опрокинута. Нынешний интеллигент громогласно утверждает: в деньгах!.. И никто уже не в состоянии возразить – этот интеллигент юсовского образца прошелся по планете, как каток. Только какие-то талибы да ваххабиты не признают его истин, но их можно объявить сумасшедшими фанатиками и навязать это мнение всему миру. Нет никаких высоких истин, заявляет... интеллигент! У кого больше денег, тот и владеет истиной!.. Пока не накопишь достаточно денег, не смеешь ходить по дорогам и проповедовать всякую крамолу.

То ли заслышав наши голоса, то ли увидев нас в глазок

размером с блюдо, вышел прямо в трениках и с голым пузом Бабурин. Огромного роста, кругломордый, румяный, с малость отвисающим брюшком, жизнерадостный, будто выучил наизусть Дэйла Карнеги, хотя вряд ли за всю жизнь прочел что-то кроме футбольных афиш. От него пахло воблой и свежим пивом.

Он уловил последние слова Майданова, сказал живо:

– Ха, клево сказано! Самый рулез форева. Сейчас, я слышал, учебники по истории в который раз переписывают. Американцы настояли... Чтоб, значитца, все в духе их американских общечеловеческих ценностей. А че, правильно делают! Я вон сам считаю, надо убрать из учебников много всякой херни и всяких придурков. В первую очередь этого... как его... ага, Буббу!.. или Будду, как его там?

Майданов удивился:

– Будду? А его за что?

– А что адиёт, – ответил Бабурин безапелляционно. – Я знаю, что эти сволочи пишут в этих, мать их за переднюю ногу, учебниках! Этот же Буба смущал народ!.. За что таких в историю? Таких из истории надо в шею! Да и отовсюду в шею!

Лютовой оказался сообразительнее интеллигента, перепросил:

– Это по поводу его царства?

– Ну дык, – ответил Бабурин. – Ну не адиёт ли? Отказался от трона, ушел, видите ли, цаца, – в леса! Накурился, видать,

у них это давно. Но не околел, здоровый, видать, лось. Через десяток лет вынесло его из джунглей с какой-то придуманной религией... Насчет жуков, которых низзя топтать!.. Он же сумасшедший, его в психушку, а не на памятники сверху!.. И еще надо убрать отовсюду этого талиба Иисуса Христа!

Майданов переспросил ошарашенно:

– Та... талиба?

Лютовой молча хохотал во все горло. Бабурин сказал уверенно:

– Ну да!.. А че, не талиб? А кто – ваххабит?.. Все равно убрать, он, как и Бубба, тоже начал учить жить... ха-ха, а сам... вы не поверите... ха-ха!.. я сам недавно узнал, так чуть со смеху не кончилси! Он был всего лишь сыном плотника! Вообще безработным, бездомным бомжем, мать его за переднюю ногу, побирушкой!.. Он должен был сперва стать плотником высокого разряда, скопить денег, нанять бригаду, разбогатеть, а потом, на старости лет, уже и проповедовал бы. Да не о душе, это дело темное, а о том, как разбогатеть, будучи сыном плотника.

Лютовой кивнул, сказал Майданову самым серьезным тоном:

– Вы правы, Андрей Палиевич! Вот и Евгений говорит то же самое. Мол, вообще надо убрать из учебников всяких ганди, сцевол, матросовых, брун и прочих-прочих, смущающих юные умы и отвращающих от постоянного зарабатыва-

ния денег. Вообще установить одно непреложное правило, которое никто не смеет оспаривать: кто богаче – тот и прав. Во всем.

Бабурин расплылся в широкой улыбке.

– Во, в самую точку!.. Что, значитца, высшее образование! Сказал, как припечатал. Майданов, дай я тя, хвостом по передней голове, поцелую!..

Лютовой закончил с подъемом:

– И только тот строй хорош, который дает возможность зарабатывать много денег! Верно, Женя? Вот видишь, верно!.. Да и вы только что это говорили, Андрей Палиевич. И хрен с этими эфемерными понятиями, как честь, совесть, достоинство – их нельзя пощупать, зато баксы хрустят в пальцах, на них можно купить много кока-колы, сникерсов, дешевых женщин, вкусной и жирной еды!.. А потом таблетки для похудения... Поздравляю вас, Андрей Палиевич! У вас появился союзник. Как раз такой, которого вы... наверное, подсознательно желаете. Или ждете.

Я уловил едва заметный запах ухи. Отец, не дождавшись чада, может выйти и дать чертей; я виновато улыбнулся всем троим и с пустым ведром метнулся к своей двери.

Даже прихожая заполнена густыми ароматными запахами. Отец рыбачит возле дачи, страшно горд любимым уловом, выписывает журналы по рыболовству, в его доме полно всяких удочек, висят мотки лески, всюду развешаны крючки и блестящие рыбки из жести.

Сейчас он расхаживал, заложив руки за спину, по комнате, одобрительно рассматривал стеллажи от стены и до стены, забитые книгами. В его время, как он любил говаривать, книг в доме должно было быть больше, книги были другие, книги были лучше.

– Ну и что нового? – спросил он, не поворачиваясь.

– Стены в подъезде покрасили, – сообщил я.

– Это я видел, – буркнул он. – Завтра снова распишут, загадят... Пока не начнут таких расстреливать, толку не будет. А как у тебя?

– С работой все в порядке, – ответил я. – Счета за квартиру оплачиваю в срок.

– Женщины?

– Женщины? – переспросил я.

– Да, женщины. Что-то у тебя с ними странное...

А в самом деле, подумал я. Слишком уж эта жизнь как-то проходит мимо меня. Иногда, правда, как и многие другие, замечаю, что вместо уже примелькавшейся брюнетки на кухне хозяйничает блондинка. А между ними вроде бы мелькнула и пепельная с изумительными бедрами. Как-то за делом не замечаешь, что в квартире эти существа меняются, мельтешат, что-то требуют, на чем-то настаивают. С одними даже регистрируешь отношения, потом они куда-то исчезают, а ты внезапно замечаешь, да и то не сразу, что в квартире убирается другая женщина. Или же замечаешь, что это другая, потому что не в той позе спит, закидывает на тебя ногу

или начинает стягивать одеяло.

Впрочем, как-то не по-мужски обращать внимание на такие мелочи, ведь в основе эти существа все одинаковы. Разные основы возможны в других областях, будь это наука, искусство, религия, а женщины все вышли из-под одного штампа. Они все разные только по одежке да прическам, даже худеют по одним и тем же методикам...

– Видел одну, – признался я, – всего пару минут... а до сих пор перед глазами!

– Ого, – сказал отец довольно, – взрослеешь!

– Где там, – отмахнулся я. – Так я вел себя только в четырнадцать лет.

– Это второе взросление, – объяснил отец. – Первое, когда теряешь детские иллюзии и начинаешь думать, что все женщины одинаковы, второе, когда понимаешь, что из этого всего есть исключения. Кто она?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Мы встретились в туалете пивного бара.

Он отшатнулся.

– В ту... туалете?

– Ну да, чего особенного?

– Тьфу! Ты имеешь в виду, в этих... совмещенных?

– Совместных, – поправил я. – Хотя даже в этом слове есть некая дискриминация, верно?... Просто в туалете. Мы перекинулись парой слов... я не знаю, что в ней, но что-то во мне самом нарушилось.

Отец откинулся на спинку кресла и смотрел на меня с ужасом и отвращением.

– Это что же... теперь можно знакомиться даже в туалете? Даже не просто случайное знакомство, а... серьезное? И, сидя на унитазах, возвышенно рассуждать о балете, музыке, высоком искусстве?

Он морщил аристократический нос, смотрел даже не с презрением – с показным ужасом. Я смолчал. Трудно разговаривать с существом, которое зовет себя козлом, жену – рыбой, а на стене над письменным столом во всю ширь стены календарь с дравидийским гороскопом. Эти дравиды, или друиды, оказывается, знали высшие тайны! Я, правда, не понимаю, чего ж тогда вымерли, если такие умные, но отец даже меня, помню, пытался определить в какие-то скорпионы, уверяя, что этот скорпионизм даст мне руководство в жизни. Я возразил, что мне достаточно руководящей и направляющей руки товарища Зюганова, разговор набрал обороты, мы поссорились, неделю не разговаривали.

И вот это существо, поклоняющееся тотемам, стоящее одной ногой в Средневековье, а другой... еще дальше во тьме, учит меня плясать вокруг тотемного идола, плевать через левое плечо... на комп, наверное.

Великий Билл, да мы с отцом на этой почве сталкиваемся вот уже сотни, нет – тысячи лет. Может быть, даже с пещерных времен, когда я изобрел камень или колесо, а отец рьяно доказывал преимущество старых традиций волочения. Во-

обще-то и поход за отмену дискриминации начался едва ли не в те седые времена. За равную оплату женщинам и мужчинам, за право на труд, за допуск женщин к таким исключительно мужским работам, как учительство, печатанье на пишмашинках, к работе на телеграфе, за отмену запрета на обучение женщин в высших учебных заведениях. Предпоследним пал барьер раздельного обучения мальчиков и девочек, а вот теперь наконец-то отменили и раздельные туалеты.

Конечно, ретрограды всегда против, всегда новое проламывает дорогу с трудом, с боем. Математичку Гипатию забили насмерть, Софью Пригаршинскую не допускали к работе в универе, так и сейчас старшее поколение пользуется общими туалетами через силу. Многие терпят с переполненными кишечниками или уходят домой раньше, а то и негласно договариваются заходить по очереди. К счастью, строгий антидискриминационный патруль проверяет такие учреждения, штрафует руководителей, если те медлят с принятием полного равноправия.

Кое-где пошли на хитрость, сняли буквы «М» и «Ж», даже объединили туалеты в одно помещение, но оставили фанерные перегородки между унитазами. Этих администраторов сперва предупредили о нарушении закона, о дискриминации, а по второму разу начали штрафовать. Кто противился, у тех при третьем нарушении отбирают лицензию.

На кухне прозвенел звонок. Отец встрепенулся:

– Уха!

– Так ты ж уже сварил, – удивился я.

– Хорошую уху варят трижды, – сказал он наставительно. – Так и называется – тройная уха.

Запахи стали гуще, я плавал в этих ароматных волнах, парил, вдыхал, все мое существо пропиталось этим вкусным паром, и когда сел за стол, готов был съесть кита. Или хотя бы акулу.

Отец разливал по тарелкам большой поварешкой, из кастрюли к потолку быстро поднимаются пышные клубы, в которых можно было увидеть пышнобедрых и крупногрудых женщин или могучих джиннов. Я едва дождался, пока тарелка с дразнящей медлительностью опустится на стол, придвинул ее ближе, наклонился над нею, почти навис, ложка зачерпнула...

– У-у-у-у...

– Ну что, – спросил отец участливо, – опять попался?

– Ну как ты можешь? – сказал я с упреком, едва двигая обожженным языком. – Снова горячая?.. Не мог варить сразу холодной?

– Подуй, – посоветовал отец. Он выглядел донельзя довольным. – Только не разбрызгай по всему столу, как у тебя обычно...

Глава 3

С балкона хорошо видно, как на горизонте вспыхнули пожары. Это закатное солнце ударило огнем в окна домов далекого микрорайона. Между нашим районом и тем – немалый парк, если судить масштабами большого города, где каждый метр на счету. Есть крупный жилой квартал и ближе, но он сильно сбоку. Если вот так с балкона прямо, то впереди только парк, а сбоку на периферии глаза некое досадливое пятно, и только повернув голову, видишь это безобразие с загаженными балконами, выставленным напоказ мокрым бельем на веревках, женщинами в халатах и с бигудями, что вытряхивают половички на головы соседней этажом ниже...

Быстро темнело, вдоль улицы вспыхнул электрический свет. Я присмотрелся, издали в сторону Центра района движется огненный ручеек. Стало видно, что идут люди с факелами в руках. Из параллельного переулочка вышли такие же, теперь видно, что это молодежь, в руках факелы. Слышны веселые вопли. Внизу под моим домом они слились, дальше течет настоящая река из огней, колышутся волны, слышен приглушенный рокот прибоя... Зрелище сказочное, фантастическое, более яркое, чем когда на поверхности темной реки отражаются частые блики полной луны. Здесь, на центральной улице, ручейки вливаются в огненную реку. Я недолго смотрел с балкона, не выдержал, сказал:

– Батя, ты как хошь, а я пойду посмотрю.

– Да на что там смотреть?

– Падкий я на зрелища, понимаешь?

– Не стыдно?

– Батя, теперь ничего не стыдно.

– Я вижу...

– Стыд отменен, – сообщил я. – Свобода уже дошла до... края!

– И что теперь?

– А теперь еще и за край, – сказал я. – Как лемминги.

– Эх ты, – укорил отец. – Ладно, беги, леммингуй... Я тут посуду помою, посмотрю новости да поеду, а то меня уже заждались.

Я поспешно обулся, выскочил на площадку. Оба лифта ходят между этажами, гудят, я не один такой любопытный, наконец дверцы нехотя распахнулись, по дороге втиснулись еще четверо, все радостно возбужденные, на третьем этаже лифт остановился, мы хором закричали, что здесь уже и так перегруз, а с третьего и пешком можно, вон пузы какие, зато похудеете...

Из домов выходил народ, а по проезжей части улицы текла нескончаемая огненная река. Молодые ребята и девушки, одетые как на дискотеку, шли с факелами в руках, что-то весело выкрикивали, смеялись, дурачились. С тротуара им тоже весело кричали, махали руками. В воздухе стоял бодрящий запах древесной смолы.

Факельное шествие двигалось в сторону Центра района. Большинство высыпающих на тротуар осталось на месте. Когда все пройдут, можно вернуться к телевизорам, там сейчас сразу по трем каналам футбольные матчи, еще по одному – бейсбол и соревнования по спитфлаю; я оглянулся на дом, к работе не лежит душа, а заняться особенно нечем: сериалы по жвачнику смотреть – не настолько еще опустился...

Похоже, пока раздумывал, рефлексy решили за меня, я обнаружил себя шагающим по тротуару параллельно факельной молодежи. Странно, совершенно нет машин, чья-то могучая волосатая рука сумела направить автомобильные потоки по другим улицам. Оглянувшись, увидел, что еще несколько человек идут по тротуару, не отдаляясь и не присоединяясь, любопытствуя... Нет, вот один мужчина сошел на проезжую часть, факельщики приветствовали веселыми воплями, сунули в руки целое полено, зажгли от соседних факелов. Ближайшая девушка чмокнула в щеку, и вот он шагает, на одного в факельном шествии стало больше.

Возле «кишки», так по-старому называют гигантский супермаркет, то и дело меняющий названия, на тротуаре среди зевак удобно устроился человечек, которого я не сразу узнал – Легунов, юрист, бывший мой коллега, потом подыскавший себе местечко адвоката, затем что-то еще, уже сомнительное, зато доходное. Я знал его худым и сгорбленным, а сейчас на краю тротуара румяный жизнерадостный толстячок отече-

ски посматривает на факельное шествие, покровительственно помахивает дланью, будто принимает парад. Я ткнул его в бок, он испуганно шарахнулся, будто ощутил между ребер холодный ствол пистолета, потом узнал, засмеялся:

– Бравлин! Сто лет тебя не видел. И ты с ними?

– Не совсем, – ответил я. – Я попутчик вроде бы. Во времена Маяковского были так называемые попутчики...

– А кто такой Маяковский?

Я покачал головой.

– Ого, русская юриспруденция еще не растеряла чувство юмора? Ты идешь или остаешься?

– А ты собираешься провожать до самой площади?

– До площади? Так близко? Тогда я пойду в самом деле.

Он поколебался, махнул рукой:

– Надеюсь, это у них не на всю ночь. Мне завтра вставать рано...

– Завтра выходной!

– Увы, у меня рабочий. Но ты прав, эти правильно выбрали субботу. Чтобы сейчас хоть до утра, а завтра можно отсыпаться всласть.

Мы неспешно шли вровень с серединой колонны. Нет, она все-таки понемногу нас обгоняет, но, оглядываясь, я видел длинный хвост, так что на площадь прибудем даже раньше, чем последние энтузиасты.

– Что за шествие, – спросил я. – Что-то мне смутно знакомо, но никак вспомнить не могу...

Он расхохотался.

– Вот видишь, надо чаще телевизор включать. На площади будет аутодафе!

– Что... людей? Уже?

– Нет, всего лишь книги. Но я бы и людей сжег, которые осмелились напечатать такую мерзость!

Улица закончилась, на каменном просторе площади собралась толпа веселой горланящей молодежи. Почти все с баночками «пепси» в руках, теперь это признак хорошего тона и лояльности. Челюсти двигаются в одном ритме, жуют, жуют, жуют. Когда работают челюсти, кровь отливает от мозга к этим работающим мышцам, наступает то хорошее бездумное состояние, что так ценится ныне: хорошо и ни о чем не надо думать!

Легунов начал энергично протискиваться вперед. Впрочем, толкаться не пришлось, все стоят разрозненными группками, молодняк этого дня не ходит поодиночке, всегда стайками, хотя бы вдвоем, но не в одиночку. В одиночку каждый хотя бы смутно ощущает себя тем, кто он есть, а когда стайкой, то всегда чем-то занят, чтобы не думать о себе, вообще не думать, а только жить и радоваться общению, что, как кто-то сказал и написал большими буквами, – есть самое большое сокровище человека.

Я увидел наконец огромный столб, к которому привязаны три человека... я содрогнулся, на миг показалось, что не куклы вовсе, режущее пламя, жар, свет, праздничное настро-

ение, багровые и оранжевые отблески огня на лицах восторженных молодых ребят и девушек.

Подъехал самосвал, народ разбежался, давая дорогу с веселыми воплями. Самосвал остановился в десятке шагов от костра, загудел, край кузова начал подниматься. Задний борт под давлением массы книг откинулся, книги хлынули блестящим потоком, словно только что пойманная рыба заскользила из невода, еще живая, еще быющая хвостами, разевающая рты, тщетно пытающаяся закричать, позвать на помощь...

Ребята и девушки налетали с радостными криками. Началась давка, смех, вопли. Кого-то придавили всерьез, потом один протолкался уже обратно, к груди прижимает целую кипу. Набежал на костер, швырнул и тут же попятился, закрывая лицо от огня обеими ладонями. Потом уже и другие, нахватав книг, бежали к костру, со счастливым смехом швыряли книги в огонь.

Ревущее пламя хватало книги сразу, обложка начинала коричневеть по краям, но еще не читанные страницы держались плотно одна к другой, не давали огню протиснуться вовнутрь, а целыми кирпичиками обугливались медленно. Кто-то из старших, кто не смеялся, а внимательно следил и руководил, принес от стоявших поодаль машин канистру с бензином. Размахнулся, зашвырнул на самую вершину. Там гулко бабахнуло, взвился столб оранжевого огня.

В толпе дружно закричали «ура!». Этот веселый жизне-

радостный крик я слышу под окнами всегда, когда под грохот пушек небо расцвечивается огнями салюта. Две девушки, молоденькие и кокетливые, начали танцевать, красиво помахивая руками и блестя ровными пепсодентовыми зубками. Им дали место, тут же к ним присоединился молодой, дурашливого вида парень, из тех, кто не блещет ни в науке, ни в спорте, зато может показать класс на дискотеках. Он плясал быстро, озорно, пародийно, но с таким азартом, что сразу начали хлопать в ладоши, кричать одобрительно.

Я видел, как один парнишка из груды вываленных наземь книг схватил одну и украдкой сунул за пазуху. Друзья его подхватывали по целой стопке и с веселыми воплями неслись к костру, на бегу разворачивались, как хоккеисты у бортика, делали мощный бросок и мчались за новой порцией. На их лицах была жажда справедливой мести всем тем гадам, что заставляют ходить в школу, читать книги, делать уроки, когда можно вот так – книги в огонь, учителей на костер, да привязать покрепче, чтобы не сбежали.

Один парень, красивый, веселый, с хорошим чистым лицом и доброй озорной улыбкой, прокричал шоферу:

– Вези еще!..

Подростки тут же заорали весело:

– Еще!

– Побольше!

– И учебники!

– И таблетки от жадности!

– Make love, not read books!

– Уря-я-я!

Легунов смотрел на них с доброй понимающей улыбкой.

– Вот видишь, – сказал он бархатым интеллигентным голосом, – самое верное решение... С этими книгами надо только так.

– А что с издателями?

– На первый раз отобрали лицензию, конфисковали имущество и по пять лет каждому. Но я бы...

Кулаки стиснулись, даже дыхание стало чаще. Я спросил с интересом:

– Что?

– Да что церемониться? – отрубил он возмущенно. – Я бы и самих издателей на этот костер. Их самих, а не куклы!.. Куклы при чем?.. В нашем демократическом обществе любая подобная пропаганда запрещена, не так ли?

– Точно, – подтвердил я. – Как думаешь, кого бы еще запретить? Раз список составлен, то он должен стремиться к расширению. И уже расширяется...

Он взглянул почти с испугом.

– А ты откуда знаешь?

– Да так... Профессия такая, должен предвидеть.

– Ах да, я что-то слышал, ты теперь в какой-то очень крупной фирме в должности консультанта, почти провидца. Это верно?

Я отмахнулся:

– Это неважно. Так список расширяется? Пока дело дошло до первого сожжения, список дополнили еще с десятков наименований?

Он замялся, взглянул с некоторой нерешительностью, голос упал до шепота:

– Ну, раз уж ты в курсе... Да, я в комиссии по подготовке. На первом этапе рассматриваются двадцать четыре наименования. Потом, конечно, список сократится, но что-то останется. Наверное, как ты и говоришь, с десятков наименований. А потом, конечно, по мере усиления работы нашего Комитета по защите и укреплению демократии, будут и новые книги в списке.

– Только книги?

Он кивнул:

– Пока да.

– А потом?

– Пытаемся продавить подзаконный акт, чтобы вносить и авторов. Не самих авторов, а их книги на сожжение. Не выборочно, а целиком. Если автор в «черном списке», если националист или патриот, то все его книги в огонь, не рассматривая по отдельности...

Вокруг костра танцы разрастались, буйное веселье охватило всю площадь. На самом краю площади в темноте смутно маячат патрульные машины, там тенями проскакивают фигуры в милицейской форме, но сюда ни один не подходил.

– Надо бы как-то увековечить, – пробормотал я. – Ведь

сегодня день, который войдет в историю... Да и площадь бы переименовать в... гм... нет, это пусть проработает Комитет по защите демократии.

Легунов оживился.

– А ведь верно! Эти мероприятия теперь станут регулярными. Местом, так сказать, проявления демократичных принципов и демократичного менталитета. Здесь будут сжигать книги недемократичных авторов, а если вовремя оповещать население, то здесь возникнет излюбленное место для молодежи. Кстати, хорошо бы на той стороне поставить лотки с хот-догами и пиццей. И «пепси», конечно.

– А в киосках торговать хотя бы марихуаной, – добавил я.

Он испугался:

– Что ты говоришь?

– Из-под прилавка. – объяснил я.

Он сказал нерешительно:

– Все-таки это нарушение...

– Мелочь, – успокоил я. – Ее вот-вот и так разрешат. Зато будет наглядно: демократы готовы разрешить все наркотики, а проклятые диктаторские режимы всегда жестоко преследовали наркоманию, секс-меньшинства... Молодежь не любит думать, ей надо все наглядно, разжевано. А побалдеть, оттянуться, расслабиться, поймать кайф, отъехать – здесь как раз такое место.

Он посмотрел на меня с некоторой долей отвращения.

– Ну, знаешь ли, тебе бы в политику. Прирожденный же-

стокий циничный политик!.. Не собираешься куда-нибудь баллотироваться?

– Куда?

– Ну куда-нибудь?

Я покачал головой.

– Я философ. Мое дело – давать советы.

Он засмеялся:

– Так вроде бы одна Страна Советов уже накрылась медным тазом, как говорит раскованная молодежь...

Костер догорал. Легкий порыв ветра поднял целую тучу пепла. Девчонки с визгом разбежались в стороны, спасая импортную косметику на хорошеньких мордочках, ребята хохотали и отмахивались. Из огромной черной груды выкатилась нам под ноги обгоревшая по краям книга, я с трудом различил на обложке: «Майн Кампф». Адольф Гит...

Легунов с наслаждением наступил на нее подошвой дорожного ботинка. Захрустело. Он оглянулся, мощным пинком отправил книгу обратно в пепел к конфискованному тиражу.

– Пусть хорошенько пропечется, – захохотал он. – Вкусней будет!

И снова мне почудилось, что уже когда-то слышал и даже видел. В горле слегка першит, но чувствую себя бодрым, наполненным энергией, и совсем не хочется спать. Внутри бурлит беспричинное веселье, прыгать бы вокруг огня, бегать с факелом, принадлежать к единому сильному мнению демократического большинства, а кто не в большинстве, тех

вот сюда, на костер...

Я вздохнул глубоко несколько раз, очищая легкие. При горении что-то выделяется такое, что все мы немножко дышим. А так вообще хорошо.

— А все-таки напечатали, — сказал я. — Значит, это еще возможно.

Легунов поморщился, сказал с раздражением:

— Результат недосмотра! Или попытка самоубийства какими-то кретинами. Понятно же, что даже если им как-то удалось протащить эту книгу под другими названиями и бумагами в типографию, то в продажу поступить все равно не удастся! На что они надеются?

Я покачал головой:

— Но все-таки грубо. Они ж до таких методов не опускались, старались делать все рационально. Если кого и уничтожали, то волосы срезали для матрасов, кожу использовали для абажуров и перчаток, из мяса варили превосходное мыло. Естественно, все золотые зубы собирались и переплавлялись в слитки. А здесь — в костер! Это ж сколько леса загублено!.. А труда рабочих? Если уж запретили книги с пропагандой фашизма, с пропагандой войны, с пропагандой расовой и религиозной розни, запретили выпады против секс-меньшинств, запретили... словом, многое запретили, и список все расширяется, как и принято в настоящем демократическом обществе, то надо пресекать все раньше!

— Да, — сказал он, оживляясь, — недавно выделены сред-

ства, чтобы камеры фейсконтроля поставить не только на всех перекрестках, но на входах в магазины, у светофоров, на людных улицах, в местах предполагаемых митингов... Тогда можно будет зачинщиков выявлять и наказывать заранее!

– Да, – согласился я, – вот это будет настоящий демократический рай!

Мы уже расставались, я сказал на прощание очень серьезно:

– Вчера по телевизору проскользнула передача про горы. И хотя альпинистов не показывали, но я бы советовал убрать подобные передачи.

Он насторожился.

– Что случилось?

– Альпинисты, – обронил я лаконично. Он смотрел с непониманием, я объяснил: – Альпинисты, скалолазы, даже горные туристы... если честно, весь тот странный народ уж очень не вписывается в картину западного образа жизни. Вместо того чтобы балдеть, оттягиваться, трахать все по дороге, отрываться, кайфовать... они лезут на эти чертовы – бр-р-р! – горы. Я только представлю – меня сразу мороз по коже. А по квартире так вообще холодный ветер...

Он зябко передернул плечами.

– У меня тоже. Сумасшедшие какие-то.

– Вот-вот, – закончил я. – Не надо, чтобы их вообще видели, о них слышали, чтобы подобный образ вообще западал в сознание. А лучше сразу нажать на нужные рычаги, Большой

Хозяин за Океаном это сделать может, и закрыть все альпинистские общества. Пусть оттягиваются и расслабляются не только как все, но и все пусть знают, что других занятий вообще нет. Иначе кто-то задумается, а что же это за странное удовольствие: отказываться от балдения и лезть в горы? Ведь умный в гору не пойдет... А потом дальше – больше: решит, что можно получать радость не только от жратвы, но и от воздержания, преодоления, побед! А от подобных альпинизмов всего один шаг до руля самолета, который протаранит Торговый Центр или Пентагон.

Он побледнел, сказал дрожащим голосом:

– Страсти какие рассказываешь... Но что-то смутно чувствую в твоих словах. Ты в самом деле уловил опасность в передачах об этих... ну, которые за туманом и за запахом тайги!

Я попрощался, сказал вдогонку:

– А по книгам надо пройтись, пройтись тщательнее!.. На такой же костер стоит и тех, которые на бригантине поднимают паруса, что, мятежные, просят бури. А еще лучше, ты прав, тщательнее проходиться по списку издаваемых книг с красным карандашом в руке.

Вернулся я за полночь, навстречу попадались группки горланящей молодежи. Прямо по проезжей части валила толпа фанатов футбольного клуба. Я поискал взглядом Бабурина, но это оказались не спартаковцы, что-то пожиже и не такое жизнерадостно напористое, как у Бабурина.

Ребята казались уверенными, сильными, здоровыми. В смысле, красномордыми. И раскованными. У меня даже мелькнула дурацкая мысль, что в самом деле раскованы и не связаны. Чувствовал я себя прескверно, ерничать над собой и другими слишком долго – глупо, я усталился бараньим взглядом на группу болельщиков, спросил громко и радостно:

– Эй, парень, да ты фашист?

На мир обрушилась мертвая тишина. Все застыли, как в немой сцене, потом глаза очень медленно обратились к тому несчастному, к которому я обратился с таким ужасным словом.

Из крупного широкого и красномордого парня вмиг образовалось нечто бледное, худое, с трясущимися коленями.

– Э-э-э... Я нет, нет, нет!.. Нет, конечно!.. А почему вы так решили?

Я указал на значок на рубашке.

– А у тебя вон орел на ветке. Похожую эмблему носил Рэм, правая рука Гитлера. Значит, ты фашист!

Парень подпрыгнул, поспешно рванул с груди значок. Загребала материя. Он швырнул под ноги и долго топтал, громко приговаривая, что вот так будет со всем фашизмом, с неонацизмом, с патриотами и прочими врагами общечеловеческих ценностей.

Остальные стояли полукругом, смотрели на своего недавнего одноклубника, как на уже запятнанного, оскверненно-

го, отверженного, изгнанного из их тусовки. Некоторые начали пятиться, исчезать, делая вид, что никогда не принадлежали к обществу, где могут попадаться вот такие типы.

Я посмотрел с укоризной, мол, предатель нашей фашистскости, пошел себе, но когда навстречу повалила еще одна такая же весело горланящая группа, что отрывается на всю катушку, балдеет и чугайстырится, я сказал громко и радостно:

– Привет, ребята!.. Вы правы, да здравствует антисемитизм!

Они сомкнулись на ходу, как одно многоногое существо. И, как одно существо, повернули ко мне все головы. Ошарашенное молчание длилось с минуту. Один, лидер группы, маленький такой бабурин, начал говорить басом, но от ужаса, что на них могли такое подумать, сорвался на козлиный тенорок:

– Вы... это... чего? Какие мы... слово-то какое гадкое! Мы – за общечеловеческие...

Я перебил, указав на их голубые майки с черными вертикальными полосками:

– Ге, а это что?.. Голубой цвет – это ж израильский флаг. А вы его за решетку! Молодцы, ребята. А здорово палестинцы их в прошлую субботу долбанули прямо в Тель-Авиве?

Молча и остервенело они сдирали с себя майки, на которых оказалась такая страшная эмблема, бросали наземь и даже не топтали, а отпрыгивали, как от клубка ядовитых змей.

Я повернулся и пошел домой уже молча, ни к кому не придираясь и ни на что не реагируя. Этих оболванчиков даже дразнить неинтересно, настолько все просто и настолько легко вызвать любую нужную реакцию, умело манипулируя словами «фашист», «антисемит», «патриот»...

В доме уже спали, даже консьержка не заметила, как я прошел мимо. В прихожей привычно сказал: «Свет!.. Комп!», вспыхнули все лампы, я люблю яркий свет, загудел и пошел помигивать огоньками проц, по очереди доложили о готовности сидюк, модем, бластер.

– Отмена, – сказал я. – Всем отмена!.. Спать!

Разделся и сразу завалился в постель. Прежде чем садиться за клавиатуру, надо переварить полученный материал, а это у меня неплохо получается во сне. Когда ложишься спать, о чем-то напряженно думая, утром нередко просыпаешься с готовым решением. Мозг ночью раскован, ищет совсем не там, где привычно ищешь днем, а верные решения обычно лежат там, где и не думаешь искать...

И, засыпая, сразу же увидел тревожное лицо с задумчивыми коричневыми глазами.

Глава 4

Ночью сквозь сон я слышал шум на лестничной площадке, громкие голоса. Показалось даже, что донесся женский плач, но я повернулся на другой бок и натянул край одеяла на ухо. Таня совсем рядом, что-то говорит, но уже не веселое и драчливое, а что-то ласковое, теплое, нежное, я чувствую ее дыхание над ухом и боюсь открыть глаза, чтобы не спугнуть, не рассеять.

Голоса все же доносились всю ночь, а когда утром открыл глаза, сразу ощутил нечто тяжелое, что вползло из коридора даже под плотно подогнанную дверь. Сердце стукнуло тревожно, я спустил ноги на пол, огляделся. В квартире все цело, в щель между неплотно сдвинутыми шторами бьет яркий солнечный луч. Дверь на балкон открыта, слышно, как воркуют голуби.

Пока кофе готовился, я дважды подходил к глазку. Из квартиры Майданова вышел мужчина в белом халате и такой же белой шапочке с красным крестом. За ним шла девушка, типичная медсестра, в руке плоский ящичек с большим красным крестом во всю ширь, длинные ноги, каблочки невероятно высокие, неустойчивые, ее саму надо поддерживать под руки, как человека со смещенным равновесием.

Двери за ними закрыл Майданов. Даже через глазок с усиленной оптикой не рассмотришь лица, как в реале, но что-то

в лице нашего воинствующего демократа было нехорошее. Выждав для приличия минутку, я вышел, позвонил.

Дверь отворилась, Майданов одной рукой держался за ручку, другой суетливо вытирал глаза. Весь он выглядел осунувшимся, с красными глазами, смертельно бледный.

– Что-то случилось? – спросил я. – От вас вышли врачи...

Он судорожно вздохнул, как после долгого-долгого плача. Глаза были воспаленные, как у больного трахомой.

– Да, – прошептал он. – Анна Павловна слегла, у нее с сердцем...

– Ой, – сказал я, – но вы не волнуйтесь, это какой-то пустяк, она ж никогда на сердце не жаловалась...

Он сказал еще тише:

– Дело не в ней. С ней приступ, потому что Марьяна...

Сердце мое застыло, я спросил чужим голосом:

– Что с нею?

– Несчастье, – ответил он и всхлипнул. По щекам поползли две слезинки. Он торопливо вытер их, сказал сдавленным голосом: – Она сейчас в больнице...

– Ох, простите, – сказал я. – Что с нею? Может быть, какое-то лекарство надо?

Он покачал головой.

– Наша девочка...

Голос его прервался. Я ощутил холодок под сердцем. Перед глазами встало ее веселое, всегда смеющееся личико с беспечной улыбкой. Увидел ее ямочки на щеках.

– Что могло с нею случиться?

– Случилось... – прошептал он.

– Но... что?

Он прошептал так тихо, что я едва слышал:

– Я вернулся вчера, захотелось перекусить... А оказалось, что хлеб кончился. Марьяна, добрая душа, вызвалась сбегать в магазин, он у нас открыт все двадцать четыре часа... В подъезде встретила Лену, подругу, сходили вместе. А когда возвращались... их догнал патруль...

Голос его прервался. Я спросил тупо:

– Чей?

– Со... союзников, – ответил он едва слышно.

У меня кулаки сжались сами по себе. Майданов все еще называет юсовцев союзниками, даже негодует, когда слышит, как мы зовем юсовцами, хотя это лишь простое сокращение от US, как сами себя зовем юзерами, гэймерами, байкерами.

– И... что?

Он всхлипнул, плечи затряслись.

– Лена успела убежать... А Марьяна... ее затащили в машину.

– И что? – спросил я тупо, хотя уже чувствовал непоправимое.

– Изнасиловали.

У меня стиснулись и челюсти, но я заставил себя выдохнуть, сказал как можно спокойнее:

– Вы же сторонники половых свобод... Неприятно, конечно, но примите так... как вы и советовали принимать подобные... инциденты. Смириться, расслабиться, получать удовольствие...

Я понимал, что это жестоко, но не удержался, чтоб не вмазать ему в лицо его же сентенции, которыми он доставал нас, соседей. Он закрыл лицо ладонями. Слезы брызнули, будто придавил спринцовку.

– Вы не понимаете... Она в больнице... В больнице!..

Я спросил быстро:

– Ого... настолько?

– Ее... избили...

– За что?

– Она... она...

– Ну что, говорите же!

– Она противилась. Отчаянно противилась.

Челюсти мои сжались так, что заломило в висках. Чистая и добрая, открытая всем, она отчаянно противилась распаленным здоровенным мужикам, в то время как патентованные красотки тут же раздвигают ноги и стараются получить удовольствие... Что за мир, уничтожить бы его весь, уничтожить, стереть на фиг, создать другой и заселить заново...

– Как она сейчас?

Он прошептал раздавленно:

– Не знаю. Но она в плохом состоянии. Еще не пришла в себя... Понимаете, еще не пришла в себя!

Я обнял его за плечи, показавшиеся сразу худыми и костлявыми, отвел обратно в его квартиру.

– Оставайтесь здесь. Примите валидол. Или корвалол. Хотите, я вам накапаю?.. А я сейчас сам съезжу в больницу, раз узнаю. Может быть, нужна какая-то помощь. В какую больницу ее отвезли?

Я гнал машину, едва сдерживая себя, чтобы скорость превышала не больше, чем на разрешенные девять километров. Юсовцы, колотилось в виски злое. Юсовцы! Наверное, это началось со времен Петра. Иностранцы, облепившие молодого царя, как голодные мухи свежее дерьмо, были объявлены людьми сортом выше, чем местные русские. Обидеть иностранца – обидеть самого царя, а это уже политическое деяние, восемьдесят восьмая статья, дорога на Лобное место, где ждет, ухмыляясь, палач с большим топором. А то и сам Петр, обожавший собственноручно рубить головы русским стрельцам, но пальцем не задевший ни одного иностранца. Мне самому удалось пожить при Советской власти, сам видел, что обидеть, задеть или оскорбить иностранца – тюрьма на долгие сроки. Неважно, кто прав на самом деле, но перед иностранцем власти извинялись, а русского сразу сажали. Так железом и кровью взрастили в русских страх, ненависть и почтительное уважение к иностранцам. Страх, ненависть, зависть и страстное желание самим стать иностранцами.

Когда пал «железный занавес», народ ломанулся в посольства. Выстаивал ночами в очередях, только бы стать этими самыми иностранцами. А те, которые становились, за океаном работали хоть золотарями, чтобы скопить денег и приехать в отпуск, показаться родным и близким уже «иностранцами». И верно, им завидовали, на них смотрели как на существ более высокого порядка. Ниже, конечно, чем настоящие иностранцы, но выше, чем коренные русские.

Так что нечего жаловаться, что сами иностранцы относятся к нам, как к быдлу. Мы их долго приучали к этому, а они споначалу еще стеснялись, пробовали на равных.

И все-таки, как я ни успокаивал себя, черная злость поднималась из глубин души, захлестывала мозг. Все они сволочи! Среди наших хватает сволочей, но иностранцы – сволочи все! Во всяком случае, те, которые понаехали. Правы экстремисты, что уничтожают их. Молодцы ребята из РНЕ, что убивают исподтишка по ночам. Да и не только по ночам, во многие районы Москвы юсовцы даже на своих бронированных джипах не покажутся и среди бела дня. Не говоря уже о России. В Приднестровье и Красноярской области губернаторы сразу объявили, что если на их землях появится хоть одна единица со звездно-полосатым флагом, она будет немедленно уничтожена. Без базаров.

За перекрестком гаишник указал зебростой палочкой в сторону бровки. Я послушно подрулил, выключил мотор. Пока опускал стекло, рядом неспешно выросла фигура в пят-

нистом комбинеzone, автомат смотрит мне в лицо, ленивый голос пробасил:

– Документы?

Я оглянулся, гайшник подошел, козырнул. Я нехотя протянул водительские права ему, минуя здоровенную лапищу парня в костюме спецназовца. Гайшник проверил документы, заглянул в багажник, даже поводит щупом под днищем, махнул рукой:

– Все в порядке, езжайте.

– Документы отдайте, – напомнил я.

– Ах да...

Какие-то заторможенные, мелькнула мысль. Явно где-то снова рванули колабов, а то даже важного юсовца. На другом конце города, а эти здесь проверяют лишь потому, что приказано проверять всех. Какая-нибудь очередная показательная операция с пышным названием. Единственная организация, что еще оказывает реальное сопротивление «ограниченному контингенту» юсовцев в России, – это РНЕ, остальные либо размахивают кулаками, либо обвиняют друг друга в развале России, а то и вовсе пошли на некое сотрудничество с оккупантами, невнятно объясняя предательство тактикой борьбы.

Больница выплыла из-за угла как белый теплоход. Ворота распахнуты, по обе стороны от асфальтовой дорожки аккуратно подстриженный газон, зеленый настолько, что как будто сегодня покрасили заново. Я воткнул машину между

приземистой «Гойотой» и «Рено», охранник кивнул издали, мол, все понял, запомнил, чужого не подпущу, я побежал по широкой, такой же белой лестнице к дверям.

В холле чистота, приветливый персонал, все улыбаются, словно в «Макдоналдсе», но по нервам неприятно ударил заметно уловимый запах лекарств. Мне выдали белый халат. Запах лекарств с каждым этажом становится все сильнее, я чувствовал, как мне начинает передаваться ощущение чужой боли, страданий, мучений. Я начал задыхаться, уже колело в сердце, в печени, заныли колени.

Наконец на плывущих мимо дверях высветился нужный мне номер. Я с сильно бьющимся сердцем тихо приоткрыл дверь. В лицо ударил настолько сильный запах лекарств, что я застыл на миг в дверях, не в силах втиснуться в это липкое, висящее в воздухе болото.

В чистой комнате четыре кровати, на двух скомканные в беспорядке одеяла. Еще две заняты, на одной молодая женщина со смуглым лицом восточного типа, голова забинтована, но черные глаза полны жизни. На другой накрытая до пояса одеялом, обмотанная бинтами кукла. Бинтов так много, что показалась мне мумией из фильма ужасов. Оставались только две полоски: для глаз и для рта.

У кровати спиной ко мне сидела женщина. Сгорбившаяся, печально опустившая плечи, как олицетворение скорби. Я не сразу ее узнал, и только когда зашел сбоку и увидел ее лицо, сказал тихо:

– Здравствуйте, Анастасия Павловна.

Анастасия Павловна, тетя Марьяны, часто заходит к Майдановым в гости, поговаривают, что у них раньше была любовь, подняла голову. Лицо безобразно распухло, словно это ее жестоко избили. Глаза превратились в щелки, мокрый нос стал втрое шире и блестит, как намазанный маслом.

– Здравствуйте, Бравлин, – прошептала она, голос прерывался и вибрировал. – Здравствуйте, милый.

Я присел с краешку на кровать. В узкую щелку между полосками бинта на меня взглянули голубые глаза, все такие же кукольно-невинные. На этот раз в них был сильнейший страх, боль и немой вопрос: за что?

– Все будет хорошо, Марьяна, – сказал я торопливо. – Все уже позади!.. Тут хорошие врачи. Уже сказали, что ничего важного не повреждено...

Голубые глаза наполнились слезами. Под бинтами опухлость, словно ее лицо стало размером с тыкву, а когда она заговорила, я ощутил, что ей очень трудно двигать челюстью:

– Я буду... ужасной...

– Ничего не останется, – заверил я и ощутил себя подлым лжецом. Знаток отыскался по пластической хирургии! – В твоём возрасте заживает, как на... хе-хе... маленькой красивой собачке!

Глаза наполнялись чистой сверкающей влагой. Она лежит на спине, так слезы не выплескиваются через край долго, я успел сгореть сердцем, наконец плотина прорвалась, жемчу-

жины покатались крупные, хрустально чистые, за ними побежали еще и еще.

– Не плачь, – сказал я с мукой и поднялся. – Я пойду переговорю с врачом. Ты просто жди, все будет хорошо. А здесь Анастасия Павловна последит, чтобы... Словом, побудет.

Анастасия Павловна кивнула:

– Да-да, Бравлин, не беспокойся... Я только что сменила Лену, она пошла спать...

– А как ее родители? – спросил я шепотом.

– Всю ночь тут сидели, – ответила она так же тихо. – Потом Аннушке стало плохо с сердцем, ее повезли домой...

– Все будет... хорошо, – проговорил я с усилием.

День только начинался, воскресный день, я не находил, чем занять себя, во что погрузить. Работа валилась из рук, я могу работать и дома, а развлекаться, как делает практически любой электорателъ, – кошунство. Тут и Марьяна, и юсовцы, что с каждым днем входят в Россию все глубже и глубже, делая это незаметненько для массы, но не для нас, кому не отвели глаза привезенные из Юсы дурацкие шоу.

Если совести не давать себя грызть, говорит расхожая премудрость, то она потихоньку помрет с голоду. Юсовцы так и сделали, потому теперь постоянно улыбаются, довольны, как слоны, счастливы по самые помидоры, и ничего их не колышет.

Да и наших так называемых россиян – язык бы вырвал за

такое слово! – тоже. Не потому даже, что все предатели и колабы. Просто интенсивное информационное воздействие на страну в течение одного-двух месяцев способно – это мало кто знает, – привести к полной смене власти. Народ... Нет, не хочу даже употреблять это святое слово, назовем это стадо просто населением... так вот население даже не ощутит, что смена власти была сделана руками самого местного населения... нет, хуже, чем населения, – электората! – дядями из-за бугра. Вообще, внешнее управление может носить достаточно отдаленный характер, создавая определенные системные условия, из-за чего у многих остается иллюзия, что Россия проводит собственную независимую политику.

Инфисты Запада очень хорошо сумели провести начало войны. Нынешняя война, война инфистов, протекает без видимых разрушений. При инфистской бомбардировке население может ее даже не заметить, а свой резкий поворот на сто восемьдесят объяснит, что ему самому, то есть населению, вдруг захотелось идти не к коммунизму, а к капитализму. А вот теперь все разом тоже сами и абсолютно добровольно возжелали идти к пропасти и красиво попрыгать в бездну!

– Факт, – прошептал я, – сам факт... и вот эти последствия инфистской войны не всегда видны даже тем, против кого ведется... А если бомбы и пули завертывать в цветную обертку, то все это милые Майдановы будут заглатывать, как голодная рыбка заглатывает сладкого червячка...

Я вышел на улицу, прошелся по бульвару, там всегда ве-

терок со стороны леса, а в моем черепе как будто уши с дырой: мозги начинают работать лучше. Победа в информационной войне, уже понятно даже такому тупому дереву, как елка, что не видит разницы между зимой и летом, способна резко изменить карту мира. И уже меняет, как видно на примере развала СССР, проигравшего именно информационную войну. Сейчас удар страшной силы нанесен уже по тому ядру, что осталось от СССР, – России. Скоординированный удар всех мощностей из-за океана и всех стран Европы. Плюс – половина стран Азии, Африки, Востока. Россия рассыплется, если не предпринять что-то безумное, радикальное, невероятное.

Брякнулся задом на лавочку, но рядом хихикали и строили глазки молоденькие девочки, потом предложили свои услуги. Не за деньги, а просто так, поразвлечься. Солнышко, тепло, гормоны нарабатываются быстро...

Я поблагодарил, встал и пошел вдоль ряда подстриженных кустов. Мы живем старыми идеями, а надо помнить, что мир изменился! Информацию мы теперь получаем без контроля своих правительств. Пример – тот же Интернет, его запретить невозможно. В мире изменились контексты, то есть строго личное стало доступно общественному взору. Нагляднее всего показал старый случай с Моникой, а потом пошло-поехало... Но точно так же можно ударить в ответ.

Интернет – оружие обоюдоострое. Палка о двух концах, как говорили в век каменных топоров. Интернет проводит

информацию в обе стороны. Нас бьют больше за счет количества ударов, ибо они сыплются непрерывно, мы не в силах поднять головы, подумать сами, нам подсовывают готовые решения, очень удобные, умно и блестяще сформулированные, и вот мы говорим и делаем то, что от нас хотят... Но если нанести встречный удар, сокрушающий удар, то уже они будут делать и говорить то, что захотим мы!

Голова разогрелась, я ощутил, что почти бегу, дыхание вырывается горячее, и еще чуть – буду выдыхать огонь. Если честно, я пару раз принял участие в инфистской войне. Нет, больше, чем пару раз. Понятно, я нигде не состою, ни в РНЕ, ни в УНКО, ни даже в смиренной ЕНО, но Интернет позволяет действовать анонимно, и я это использовал...

В информационной войне резонанс общественного мнения может достигаться чисто формально с помощью удачных вербализаций, типа «Убей юсовца – спаси планету!», «За убийство юсовца – прощение всех грехов!», «Лучше под танк, чем под юсовца»... Это все мои придумки, я их запустил через Интернет, на следующий день их начали повторять по всему миру. Еще через два дня боевики РНЕ начали их использовать, и, самое значительное открытие – количество терактов возросло впятеро!

В средствах массмедиа появились поспешно написанные статьи, где умно и многословно доказывалась ложность этих девизов, но слово не воробей: вылетит в Интернет – уже не поймашь, не удалишь, не сотрешь, не форматируешь. К то-

му же краткие лозунги, бьющие не в бровь, а в глаз, длинными разоблачениями не опровергнешь...

Понятно, дальше я не пошел. Силу свою проверил... хотя и так уверен, что могу перевернуть мир, ведь точку опоры уже нащупал, а ввязываться в бои местного значения... нет, это не по мне. Я могу выиграть намного больше. Намного.

Мир перевернулся, теперь сверху нависает его темная часть, а светлая оказалась внизу. Во тьме проступила желтая изогнутая полоска, похожая на кожуру дыни. Оказывается, день сменился вечером, а тот незаметно перетек в ночь. Все это время я бродил, выгранивая постулаты, о которых пока никому не заикаюсь. И все это время, как теперь смутно вспоминаю, в животе квакало, шебуршилось, а сейчас уже издохло, живот прилип к спине, а в голове от обезвоживания нарастает тупая боль.

Кривой месяц, печальный, как Пьеро, висит косо, непрочно. Его подбрасывают и раскачивают медленно ползущие со стороны Донбасса угольные тучи. Иногда в них поблескивает, это свет отражается от сколов антрацита.

К бровке вильнул автобус, притормозил, дверцы распахнулись. Я вспрыгнул на ступеньки, сказал спасибо и положил деньги перед водителем. Тот их вроде бы не заметил, но когда я ушел в салон и плюхнулся на сиденье, незаметным движением смахнул в ящик.

В черноте ночи небоскребы со зловеще-желтыми окнами выглядят странно, словно силуэты, вырезанные из черного

картона. Широкая лента шоссе разделена на две огненные реки: слева навстречу несется стремительный поток белых огней, справа вместе с нами, но уже в противоположную сторону уходит река красных габаритных фонарей.

Мобильник зазвонил так пронзительно, что водитель оглянулся с недоумением. Я поспешно вытащил, гаркнул сердито:

– Алло?

– Бравлин, – послышался усталый голос шефа, – тебе заказан билет на утро. В четыре тридцать.

– Ни фиги себе утро, – вырвалось у меня. – Что же тогда ночь? Кромешная, опричная?

– А ты что, сова?.. Вот и не ложись вовсе.

– А что случилось?

– Под Красноярском потерпел катастрофу самолет. Пассажирский. Туда уже вылетела бригада спасателей, а тебе можно не спеша... Отыщут черный ящик, ты должен быть там, засвидетельствовать. Теперь такова процедура, а то уже пишут всякое...

Я взмолился:

– Тогда хоть не так рано?.. Дневным самолетом?

– Бравлин, – сказал голос укоризненно, – ты совсем бесчувственный? Там же люди погибли!

Щелкнуло, я досадливо сунул мобильник в боковой карман, не люблю держать на виду, не мальчишка и не «новый русский». Автобус подкатил к остановке, водитель оглянул-

ся, я кивнул, что, мол, схожу. Дверцы распахнулись, я вышел навстречу ночному воздуху. Между двумя двадцатипятиэтажными башнями, подсвеченными с улицы фонарями и фарами машин, чернеет жуткое звездное небо. В детстве я еще узнавал ковшик Большой Медведицы, серебристый кружок Венеры, красный уголек Марса, но в Москве небо редко бывает чистым, а смотрим на него еще реже.

В лифте я нажал кнопку ниже «своей», меня без проблем довезло до девятнадцатого, дальше я отправился по узкой пожарной, она же черная, молодежная, бомжатник и еще какая-то – лестнице. Двенадцать ступенек, можно дальше, но я толкнул слева дверь, меня вынесло на огромный балкон. Посреди – роскошный белый стол, чем-то похожий на большой праздничный рояль, такой же блестящий, даже блистающий. Шесть легких пластиковых кресел, изящных, удобных, располагающих к неспешной беседе с распитием чая.

В нашем доме на каждом этаже по восемь квартир. Четыре по одну сторону лифта, четыре – по другую. Да не просто вот так сразу по сторонам лифта, а сперва надо одолеть длинный и широкий, как проспект Мира, коридор, потом поворот, и только там четыре двери. Еще дальше – отдельный узкий ход по ступенькам до самого низа. На случай пожара или если вдруг оба лифта застрянут. Там же от черного хода на каждом этаже дверь на огромный общий балкон, рассчитанный на эти четыре квартиры.

Дом из-за этих балконов выглядит красиво, экзотично,

как огромный ствол, поросший грибами. Часть жильцов ворчала, любое излишество удораживает квартиры, кто на эти балконы будет ходить, в каждой квартире есть свои, туда можно и в трусах, лучше бы метры добавили... да и коридоры зачем такие агромадные...

Но дом строили, когда разобщенность достигла такого уровня, что придумывались даже такие вот меры, полунасильственные, чтобы принудить общаться жильцов, хотя бы соседей по этажу. Конечно, все это с треском провалилось, гигантские балконы либо пусты и медленно загаживаются, либо хозяйственные жилыцы сразу поделили и заставили старой рухлядью.

И только у нас, в нашем кусте четырех квартир, на этом балконе чисто, почти празднично. Сюда регулярно собираемся для чаепития и ленивого пережевывания костей всем, кого вспомним. Все в мире на энтузиастах, и наша тусовка не исключение: Майданов, мой сосед, с жаром принял идею, что все наши беды от разобщенности, некоммуникабельности, и героически с нею бьется. Его жена, милейшая женщина, обеспечивает чаем, сахаром и вареньями, раньше даже печеньем да сладкими сухариками снабжала только она, пока мы не разобрались что к чему и не начали покупать «в складчину», но это так называется, мы ж не немцы, кто будет считаться, каждый покупал при любом заходе в супермаркет сухарики или печенье, так что Анна Павловна уже слезно умоляет хоть на время остановиться, квартира-то не

резиновая...

Если честно, всем нам недостает общения с себе подобными, но только сами не в состоянии шелохнуть и пальцем. Что-то мешает, но когда кто-то организовывает, то мы принимаем участие. Правда, такая тусовка быстро утомляет, соседи-то разные, попьешь чайку, малость почешешь язык да уходишь, но на другой день снова тянет пойти и хотя бы послушать, о чем там сплетничают, пообщаться. Своя тусовка, что по интересам, конечно, лучше, но та обычно на другом конце города, а здесь только выйти за дверь квартиры...

Я на ходу провел пальцем по блестящей поверхности стола. Ни пылинки, что значит – либо недавно чаевали, либо соберутся. Жаль, у меня в кармане билет в Тьмутаракань, даже хуже, ибо Тьмутаракань ближе, чем Сибирь, а мне срочно лететь туда, это ж четыре часа только в салоне самолета...

Донеслись голоса, я быстро обогнул стол, толкнул другую дверь и вышел на свою лестничную площадку. Дверь квартиры Майданова распахнута, оттуда неспешно и хозяйски выходят двое крупных мужчин в штатском. В штатском, но мощно повеяло скалозубовщиной в добротной помеси с пришибеевщиной. Оба рослые, элитные, в безукоризненных костюмах. От обоих несет еще и мощными дезодорантами. За ними семенил Майданов, растерянный, красный, как переспелый помидор, а следом выглядывала его жена.

Мужчины не повели на меня даже глазом, один говорил значительно, с сильным юсовским акцентом:

– Так мы рассчитываем на вас, мистер... Майданофф, да? Майданов блял нечто, я сумел разобрать только, что, мол, раз уж так получилось, то что ж делать, у всех же семьи, родители, для них удар, родители тоже люди...

Второй мужчина придержал двери лифта, спросил нетерпеливо:

– Так мы едем?

– Да, – ответил первый. Он покровительственно кивнул Майданову: – До свиданья! Я вижу, вы настоящий гражданин демократического мира...

Двери лифта за ними задвинулись. Я закончил открывать один замок, выловил второй ключ, спросил глухо:

– Что, приходили откупаться?

Анна Павловна посмотрела на меня виновато и пропала в глубине квартиры. Майданов суетливо развел руками:

– Да, да... Они не такие уж и звери, вполне интеллигентные люди!.. Один даже Плутарха цитировал, а мы все – бивисы, бивисы!..

– И что вы сказали? – спросил я, а на душе становилось все горше.

Майданов виновато развел руками:

– Но что я мог сказать? Ведь уже все свершилось, обратно время не вернешь. К счастью, в посольство как раз прибыла инспекция. Тем солдатам грозит выговор, а это подпортит личное дело. Вот эти и просили не подавать в суд...

Я удивился:

– В суд?..

– Ну да...

– А что суд может сделать?

Майданов снова пожал плечами, снова раскинул руки, потом виновато сунул ладони под мышки.

– Ничего, но с инспекцией – журналисты. Им хоть о чем-то, да написать. Раздуют, а это отразится на имидже всей американской армии. Ведь их войска теперь уже в ста двадцати странах мира. Словом, эти уговаривали делу ход не давать. Принесли деньги, обещали помощь.

Анна Павловна высунулась из-за спины мужа, всхлипнула, сказала виноватой скороговоркой:

– Сказали, что суд все равно ничего не докажет. Второй солдат участия не принимал, а только один... Марьяна это мне сама сказала, экспертиза подтвердила. Адвокат будет доказывать, что это наша девочка их соблазняла, приставала. И что все было по согласию, а потом она ушла, и где еще шлялась, и кто ее избил – они знать не знают!

– Сволочи, – сказал я с ненавистью. – Сволочи! Так чего же засуетились?.. Ах да, огласки боятся... Понятно, почему...

– Почему? – спросил Майданов немедленно.

– Да вы ни при чем... Они просят у Китая разрешения основать базу на их территории! Очень настойчиво просят. Но в Китае, как и везде, уже все знают, что суды на оккупированных землях против юсовцев вердикт не вынесут...

Второй замок щелкнул, я начал открывать дверь. Майда-нов с облегчением втянулся в свою прихожую. Я спросил раньше, чем он закрылся:

– А вы... что, взяли?

Он заколебался, ответил торопливым шепотом, опустив глаза:

– Бравлин, первым моим движением... что понятно!.. было бросить их поганые доллары им в лицо! В лица, простите... Не было еще такого, чтобы русского интеллигента вот так... Но, с другой стороны, у того парня дома родители, отец и мать... Каково им услышать такое о своем сыне?.. Просто милосердие, обыкновенное милосердие, так свойственное нашему народу и особенно культивируемое в нашей интеллигентной среде!..

Я спросил зло, хотя и чувствовал, что этого не стоит делать:

– Но деньги все-таки взяли?

– Что деньги? – ответил он еще тише. – Деньги всего лишь эквивалент труда, а труд – всегда почетен. Лучше я истрачу их на лекарства... а что останется – на книги, чем они просядут в казино. Извините, Бравлин, жена зовет...

Я успел увидеть его красное от стыда лицо. Дверь захлопнулась, загремели засовы. Я тяжело протащился через прихожую, сбросил рубашку и долго сидел на кухне, не в силах даже поставить чайник.

Глава 5

Час до Шереметьева, четыре часа на лайнере, полчаса на «газике», еще около часа на гремящем, как камнедробилка прямо в черепе, вертолете. Меня высадили на раскисшую от проливных дождей землю чуть ли не в самом центре сибирской тайги. Пригнувшись, я отбежал подальше. В вертолет что-то погрузили, он так тяжело оторвался от земли, словно стартовал с Юпитера. Ко мне быстро подошел коренастый мужчина в оранжевом комбинезоне и с большими буквами на груди «МЧС». Дождь уже затих, но капли воды все еще блестели на лице и одежде.

Я видел, как открывается и закрывается рот, но ничего не слышал. Он догадался, приблизил губы к моему уху и прокричал громче:

– Бравлин?

Я судорожно закивал. Он прокричал:

– Скоро пройдет!.. Что ж вас не предупредили, чтоб заглушки в уши? Эх, дикари!.. Ладно, приступайте!

На вершине невысокой сопки, где мы стояли, деревья уже спилили. Спилили и растащили в стороны, устраивая площадку для посадки вертолетов, не все же такие орлы, чтобы по линии вниз, но дальше, сколько я ни оглядывался, во все стороны только темно-зеленая холмистая равнина. Только холмы – это сопки, что прижаты тесно одна к другой, а

зелень – вековая непролазная тайга, завалы на каждом шагу. Тысячи деревьев только ждут прикосновения, чтобы с ужасающим грохотом повалиться и повалить еще с десятков других, молодых и здоровых, после чего будет еще один завал, а вывернутые из земли вздыбленные корни, похожие на огромных змей, напугают и остановят кого угодно.

Катастрофа разбросала остатки самолета на десятки километров. Дремучая тайга, где не ступала нога человека, буреломы, ручьи, крутые сопки, камни, щели... Здесь нет квадратного метра ровной земли, здесь сопка жмет к сопке, все карабкается по косогорам, везде из темно-зеленой чащи поднимаются сизые дымки, но то ли догорают части самолета, разкиданные чудовищным взрывом, то ли сами спасатели, что работают здесь уже второй день, развели костры, чтобы обсушиться и согреться.

Последние трое суток здесь шел проливной дождь. Сейчас, к счастью, прекратился, но земля там, внизу, превратилась в болото. В распадках шумят ручьи, несут мусор, издохших зверьков и трупы птиц.

Самолет взорвался на большой высоте. Обломки, естественно, разбросало на огромное расстояние. Но если у нас еще оставались шансы найти хотя бы черный ящик, то от тел семидесяти пассажиров и пяти – экипажа пока удалось найти малые фрагменты костей. Удачей стала находка почти уцелевшего черепа, застрял в развилке дерева. По нему сразу установили, чей – Пилипенко Степан Антонович, тут же

сообщили о находке, а через день сюда сообщили, что летит родня. Правительство выделило для них специальный рейс, потом зафрахтовало вертолет, и теперь в полевом городке добавилось трое постоянно плачущих женщин: мать, жена и дочь. Они не хотели улетать, пока не отыщут остальные части тела.

Городок быстро пополнялся экспертами-криминалистами, патологоанатомами. Трижды в день прилетали огромные транспортные вертолеты. Из них выгружали новейшее оборудование, на сопке снова зазвенели бензопилы, деревья валились, как колосья. Мощные трактора, их доставили военными транспортными вертолетами, без особых усилий выдергивали огромные пни. На спешно расчищенном месте быстро выстроили целое здание, где специалисты высшей квалификации по крохотным клочьям плоти или обломкам кости старались опознать погибших.

Бригады эмчээсовцев самоотверженно продирались через заросли, обшаривали каждый клочок земли, осматривали стволы деревьев, ветви, прощупывали миноискателями почву, ибо металл мог уйти в вязкую землю без следа, утонуть во мху, что тут же сомкнется сверху, как будто ничего не проглотил. Продвигались очень медленно, сами тонули в болотах, их тут же выдергивали обратно, они ломали руки и ноги, ибо торопились, словно еще надеялись отыскать живых и оказать им помощь.

К концу первой недели в поисках уже участвовали четы-

реста высококлассных специалистов из Министерства Чрезвычайных Ситуаций, четыре тяжелых военных вертолета и десять высокоманевренных геликоптеров, принадлежащих самому МЧС. Из Москвы по распоряжению правительства прибыла вторая бригада, составленная из лучших специалистов-патологоанатомов страны. Мощные прожекторы освещали лагерь, что уже превратился в городок. Работа кипела круглые сутки.

За десять дней поисков было найдено около сотни останков тел. Опознать удалось с полной вероятностью семерых, еще тридцать клочков костей и мяса были под вопросом. Министр, что был здесь с первых же минут после аварии, почерневший от усталости, объявил хриплым голосом:

– Мы будем здесь до тех пор, пока не прочедем всю тайгу на сотни квадратных километров!

Из толпы собравшихся захлопали.

– Мы соберем все, – сказал он твердо. – Мы выполним свой долг!

Похлопали снова, кто-то выкрикнул что-то одобрительное.

– В тайге не останется ни одного фрагмента человеческого тела, – сказал он громче и почему-то посмотрел в мою сторону недобрыми глазами, – которого мы бы... не нашли. Мы выполним свой долг, мы вернем домой всех, кто был в этом самолете!

Похлопали громче, уже несколько голосов выкрикнули

«ура». Я приподнял ладони, но хлопнуть так и не смог. Вроде бы все правильно, но что-то в этом глубоко неправильное. С виду все абсолютно верно, глубоко гуманно, великодушно, это наш долг... правда, что за долг, не понял, но что-то в этом есть неправильное...

Министр бросил в мою сторону злой взгляд. Я попробовал хлопнуть, однако ладони опустились сами по себе. Четыреста эмчээсовцев, мелькнула мысль, под проливным дождем ищут останки... Добро бы надеялись кого-то спасти, но понятно же, что семьдесят пять человек погибли. Известно, кто погиб, ибо при посадке на самолет все регистрируются. Все эти титанические усилия брошены на то, чтобы собрать раздробленные кости и установить, где чья. И доставить каждую самолетом именно в нужные семьи. Чтобы Ивановы ни в коем случае не похоронили кости Петрова, а Петровы не похоронили кости Иванова. Четыреста высокооплачиваемых специалистов эмчээс, сорок ведущих светил страны в области паталогоанатомии, десятки самолетов, вертолетов, тракторов... Сотня миллионов долларов коту под хвост, как будто мы такие уж богатые, как будто с жиру бесимся, как будто нет настоящих дыр, а мы тратим на соблюдение чего-то крайне нелепого, неправильного, дикого, дикарского...

Несмотря на холод, от большой палатки, куда сносили фрагменты, несло смрадом. На днях доставили портативные рефрижераторы, очень мощные, экономичные, но в рефрижераторах не проведешь исследования на молекулярном

уровне, не определишь ДНК, приходится вытаскивать эти почерневшие куски мяса, до которых люди успели добраться раньше, чем звери...

Ко мне подошел человек с унылым вытянутым лицом, недельная щетина торчит, как у рассерженного ежа.

– А вы здесь зачем?

– Черный ящик, – ответил я лаконично.

Он устало покачал головой, руки его в задумчивости поскребли щетину.

– А это зачем? Всегда доставляли в Москву, а вы там копались...

Я пожал плечами.

– Спешат показать общественности заботу. Или оперативность. Или оперативную заботу, не знаю. Словом, как только отыщете черный ящик, мы тут же его и вскрыем. В присутствии комиссии, ессно. Или отвезем в Москву, как скажут в последний момент.

Он сплюнул под ноги, голос его был сухой и хриплый, как у старой-престарой вороны:

– Адиёты... Как есть адиёты.

– Начальство, – возразил я.

– А что, начальство не бывает идиотами?

– Нет, – ответил я. – Там ими становятся.

– Ага, ну да... Иначе им там не выжить.

Мы невесело посмеялись, я чувствовал симпатию к этому измученному и разочарованному человеку. Возможно, зав-

тра, когда поест и отдохнет, он уже не будет считать начальство идиотами, но сейчас он измучен, голоден, устал и потому мудр, как сто тысяч змиев.

Черный ящик удалось отыскать к концу второй недели. Все это время городок эмчээсовцев постоянно пополнялся. К присланным специалистам добавились энтузиасты из различных организаций. От международных удалось отбиться, там все до единого шпионы, но свои постоянно присылали добровольцев. Причем энтузиасты эти бывали экипированы получше эмчээсовцев. В первые же дни один из добровольных помощников сломал ногу, еще один едва не утонул в болоте, а когда в конце недели двое исчезли вовсе, министр запретил принимать добровольцев.

Мы вскрыли ящик, сняли все записи, запротоколировали и отбыли с ним в Москву, чувствуя себя так, словно помимо своей воли участвовали в очень скверном спектакле. Причем о спектакле знаем все, как участники, так и постановщики. Думаю, что понимают и зрители.

На обратном пути самолет дважды проходил над мощным грозовым фронтом, потом встретили чуть ли не тайфун. Уже опасались, что могут не дать посадку, снова встряска нервам, наконец колеса коснулись бетонной полосы. Тряхнуло, долго катило, потряхивая уже меньше, в салоне слышались щелчки отстегиваемых ремней.

Через контрольные пункты всегда проходил с легкостью,

езжу налегке, но на этот раз проверяли долго и скрупулезно. За пуленепробиваемым стеклом рядом с угрюмым таможенником увидел двух рослых парней в форме юсовской армии. Таможенник хмурился, задавал вопросы раздраженным голосом, сгоняя злость на мне, на лице было написано крупными буквами, что если бы земля сейчас разверзлась и дьявол утащил бы обоих юсовцев в ад, он тут же поставит свечку перед иконой дьявола.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Ничего не случилось, – буркнул он.

– Но эти двое за спиной... Боевиков ловят?

Он ответил зло:

– Если бы!.. Теперь всегда будут здесь. Это называется – берут аэропорт под свою защиту!

– Да, – сказал я, – мне это что-то напоминает.

– Что? – спросил он невольно.

– Они эту защиту не называют попросту крышей?

Он покосился на них, пробормотал:

– Да, еще те бандиты... Братки рядом с ними – ангелы.

Я сунул документы обратно в карман, юсовцы провожали меня сонно-равнодушными взглядами. Они приехали в Россию, читалось на их лицах, потому что здесь можно безнаказанно насиловать русских женщин, а жалование здесь платят впятеро больше, ибо приравнено к боевым условиям. Они и будут насиловать, развлекаться, а документы пусть у этих русских свиней проверяют другие русские свиньи. Понятно

же, что любые боевики разбегутся уже при виде формы доблестной американской армии...

Мечтайте, ребята, подумал я зло, мечтайте. Ваши матери получают вас обратно в свинцовых гробах. Может, кто-то из ваших младших братьев вырастет умнее.

Взял такси, цены за две недели подскочили на треть, за всю дорогу остановили дважды. Правда, второй раз проверяли почти полчаса, даже шины просвечивали специальным фонариком, а все трубы простукивали, но отпустили на все четыре без лишних вопросов.

На веранде пусто, я нарочито прошел через нее, хотя сегодня суббота, могли бы и посидеть за чаем. Дома я принял душ, позвонил Лютовому:

– Привет, это я, Бравлин... Да, уже вернулся... Потом расскажу, лучше вы скажите, как там Марьянка?

Из трубки прозвучал негромкий холодноватый, это его обычный тон, голос:

– Уже выписали. Вчера привезли домой. Ничего серьезного, только психический шок. Ни с кем не хочет разговаривать...

– Эх, черт!

– Да, теперь она... словом, замкнулась. Помните, всегда всем улыбалась, как солнышко. И со всеми в доме здоровалась.

Я сказал с надеждой в голосе:

– Авось, отойдет. Время лечит. Да и мы как-то постара-

емся отвлечьь.

– Как? – спросил он с досадой. – Работа, универ... Правда, она сейчас ни на работу, ни в универ... Ладно, отскребывайте грязь, а вечером соберемся на веранде, хорошо?

– Заметано, – ответил я и положил трубку.

В обед забежал сынок Лютового, белоголовый парнишка арийского, как утверждает Лютовой гордо, типа. Белоголовый, крепенький, с румянцем и веснушками, голубоглазый, Лютовой заставляет его заниматься спортом, но сам Петрусик, так его зовут, без ума от технологий следующего поколения, бредит ими, даже меня уважает именно за то, что у меня навороченный комп и спутниковый Интернет. У его отца тоже все это есть, но Лютовой пользуется постольку-поскольку, а я сыплю всеми терминами, знаю новейшие платы, сроки их выпуска, могу подсказать, какая прога круче, какая вообще улет, а в какой хреновые глюки.

Петрусик – чудо-ребенок, умненький и здоровенький, но, увы, у него подзатянулась обычная детская болезнь осознания подлинной, как они уверены, картины мира. Однажды дети вдруг узнают, что их родители тоже какают, из этого делают выводы, что все на свете какают, даже красивые воздушные балерины тоже какают. Потом узнают, что родители трахаются, из этого делают ужасающий вывод, что трахаются и великие политики, писатели, композиторы, что великие на портретах тоже в свое время трахались...

Дальше – больше: газеты приоткрывают, какие тайные

пружины двигали событиями, из чего делается вывод, что все не так чисто и благородно, как пишут в учебниках, а, напротив: все – грязно. В крестовые походы ходили только потому, что надо было пограбить, Джордано Бруно сожгли за шпионаж, Александр Матросов просто поскользнулся на льду, пьяный Гастелло заснул за рулем самолета, все эти ромео и джюльетты, тристаны и изольды – выдумка. Есть только секс, траханье, дружбы нет, чести нет, а есть одни экономические причины и рефлексy Фрейда.

Собственно, через этот стаз проходят все, но у некоторых, как вот у Петрусика, здоровенного парняги, уже обвешанного девками, он затягивается очень надолго. Даже на всю жизнь. Похоже, Петрусик как раз будет из этих. Ему очень, ну очень нравится быть «самым умным и проницательным», видеть всех насквозь и разоблачать, разоблачать, разоблачать, находить «подлинные» причины того или иного благородного поступка.

Он и меня пытается просвещать, открывать мне глаза.

– Петрусик, – сказал я проникновенно, – со мной можно говорить только о компе и софте.

– Почему?

– Потому что я прошел больше линек, – объяснил я. – Потому что я был тобой, а тебе быть мною еще предстоит.

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Даже нижняя челюсть отвисла.

– Круто, – сказал он наконец. – Это что ж, как у бабочек?

– Или жуков, – ответил я. – Больших таких, рогатых, в твердых панцирях!.. А ты видел, какие они раньше были белые мягкие червяки?

– Нет, – ответил он озадаченно. – А какие?

– Толстые, мягкие, жирные! Живут под землей, света не видят, всю жизнь корни жрут.

– Ого, – сказал он. – Не знал... А вы что – жук?

– Нет, – ответил я, – мне тоже жуком стать еще... предстоит.

Он ушел, оглядываясь с таким озабоченным видом, будто жалел, что пропустит момент, когда я стану превращаться в большого толстого жука с прочным пуленепробиваемым панцирем и красивыми рыцарскими рогами.

Когда зазвонил телефон, я уже знал, что это шеф. Вылез из ванной, прошлепал к столу.

– Алло?

– Бравлин, – послышался голос, – ты что же не доложил, что приехал?

– Как будто вы не знали, – ответил я с досадой. – Да все в порядке, я присутствовал. Ящик опечатан, комиссия по всем правилам повезла его на экспертизу. Я свою маленькую роль сыграл...

– Тебе еще одна роль предстоит, – прозвучало в трубке. – У меня к тебе маленькая просьба. Там просрочили сроки подписания одного проекта... Завтра он должен лежать с утра на столе мэра, а у нас только-только спохватились... Те-

бе предстоит вот что, да не волнуйся, никуда ехать не надо!.. Все здесь, в Москве. Тебе на полчаса делов. Словом, надо съездить на городское кладбище...

Я зябко повел плечами, час от часу не легче. Катастрофа еще куда ни шло, я там никаких трупов не видел, а вот кладбище...

– Сегодня же суббота, – сказал я тоскливо.

– Вот и прекрасно, – сказал голос убеждающе. – Подпишешь бумаги от имени нашей юридической фирмы. Вчерашним числом, понял?.. Все должно быть в ажуре.

– Понял, – ответил я обреченно.

– Давай прям щас, старик, – сказал голос уже просительно, – горим...

Массивные столбы ворот из красного кирпича, железные створки, широкая ухоженная дорожка белого песка, а за воротами почти сразу начинаются ограды. Здесь старое кладбище, в нем «дома» перешедших в этот мир ревниво ограждены заборами, в то время как в новой части все могилы стоят так же, как и современные дома, – без заборов, только холмик и надгробная плита.

А здесь даже самые бедные могилки окружены железным заборчиком, верхушки прутьев заострены на манер пик, никто не рискнет перелезть, так же оборонялись от печенегов, половцев и прочих чужих в давние времена. Сами могилки по большей части поросли сорной травой. Ухаживать неко-

му, при системе «айн киндер» все меньше тех, кто сюда приходит.

Мимо меня проплывали, покачиваясь, массивные глыбы отполированного мрамора, надгробия из красного и серого гранита. Надписи гласят о почивших деятелях прошлого века, многие памятники покосились, часть гранитных блоков вообще лежит в траве. Вперемежку с дорогими надгробиями из мрамора торчат железные кресты, выкрашенные дешевой краской, но и те уже облезли, ржавеют, многие покосило так, что будь потяжелее, уже рухнули бы.

Деревья шумели грозно и остерегающе. Ветер стряхнул на меня пару листьев, дорожка впереди засыпана желтыми и красными листьями. Почему-то просится слово «багряные». Вижу, что листья попросту красные, но язык сам поворачивается на «багряные».

Все чаще попадаются памятники с побитыми краями, на фотографиях выковыряны глаза. У величественных статуй из мрамора, изображающих то скорбящих матерей, то еще больше скорбящих ангелов, – отбиты руки, крылья, а то и головы. На одном поверх синей звезды Давида уселась коричневая свастика, я успел на ходу сложить в слова неровные буквы: «Найдем и там!»

Еще дальше первый склеп, явно княжеский, уж очень знакомый герб на входе. Чугунная дверь давно сорвана, лежит перед входом, но чересчур тяжела, чтобы утащили. Я не заглядывал вовнутрь, уже знаю, что там ступеньки, а если спу-

ститься, то в просторном помещении полно засохших экс-крементов, по углам плевки полиэтиленовых пакетов да сло-манные шприцы.

Склепы пошли чаще, уже не только княжеские, но и раз-богатевших купцов, подрядчиков, один другого громаднее, массивнее – не склепы, а целые мавзолеи. И все заброшен-ные, хоть один бы содержался потомками, мать их, не все же померли...

Наконец потянулись могилы попроще, все ближе и ближе к современности, если судить по датам. Оградки расступи-лись, я вышел на огромное зеленое поле, расчерченное на идеально ровные квадраты. В середине каждого – могильный холмик с белой, серой или черной плитой. Они накрывают всей тяжестью землю, теперь так модно, взяли пример из-за кордона, но все-таки треть по-прежнему ставит плиты вер-тикально.

Время от времени встречаю почти склепы, но это не скле-пы, а громадные памятники. Обычно под такие могилы за-купаются и соседние квадраты земли. Все покрывают мрамором, между плитами залит особый слой, имитирующий мрамор, трава не прорвется, а в центре обычно высится обе-лиск. Такие никто не рискнет попортить или что-то написать – обычно так пышно хоронят местных авторитетов, воров в законе, вожаков особо удачливых банд.

Оркестров уже ждал меня, сразу после приветствия обвел рукой полукруг, захватив и горизонт.

– Вот... эта вся территория – вчерашним распоряжением!
Я невольно поежился.

– Сколько же гектаров? Можно еще одну половину Москвы построить!

Он коротко хохотнул.

– Ты угадал, особенно в части средств. Выделено столько, что можно выстроить три таких района, как Южное или Северное Бутово! И провести одну ветку метро!.. Так что у нас будет работы, будет!

Он довольно потер ладони. Взгляд его хозяйски прошелся по окрестностям, как лучом сверхмощного лазера сравнивая холмы, засыпая овраги, заливая асфальтом, выкапывая котлованы под могучий комбинат ритуальных услуг. Я почти видел, как сюда тянется из завтрашнего дня колонна могучих «МАЗов», доверху груженная железобетонными балками, плитами, арматурой. Тысячи и тысячи рабочих начнут устанавливать высотные краны... вот все здесь кишит, бурлит, новые тысячи рабочих прибывают, чтобы начать строить новый город, город мертвых...

Город, где якобы живут мертвые.

– Триста миллионов долларов получим уже в этом квартале, – сообщил он деловито. – Надо успеть хотя бы накрыть котлованы. Комбинат думаю разместить прямо в центре. Чтобы оттуда по радиусу развозить эти надгробные плиты, памятники, монументы, ограды... Да, оградки всегда в цене. И будут в цене, мир таков! И его не изменишь. Оград-

ки заказывают не простые, а уже из редких сплавов! Живут же люди!

И хотя это относилось к заказчикам, но я невольно подумал про мертвых. Живут же, им такие хоромы строят, что живые могут мечтать только. А сколько я видел нищих по дороге к кладбищу...

– Ты шел через старое кладбище? – спросил он внезапно.

– Через старое.

– Ну как тебе?

– Страшно, – признался я.

– Чего?

– Запустение, – сказал я. – Жуткое запустение.

Он нахмурился, рыкнул:

– Я не зря просил тебя пройти оттуда. Сам увидел, впечатлился... Ублюдки! Иваны, не знающие родства!.. Как можно оставить без присмотра могилы близких? Человек, не знающий прошлого, не узнает и будущего. Или как там: человек без прошлого... Словом, у меня вызрел план.

Я поежился, планы Оркестрова бывали чересчур экстремальны. Скалолазом бы ему, не депутатом Госдумы.

– Какой?

– Подам законопроект, – бухнул он. – Об обязательности ухода за могилами близких. Каждый гражданин, у которого померли родители, обязан, да-да, *обязан!* – обеспечить им достойный переход в иной мир, обеспечить на кладбище достойное их социального статуса, занимаемой должности и

образования место, а также регулярно... надо будет определить оптимальное число посещений в год – посещать своих усопших родителей!.. Скажем, не меньше одного раза в квартал. Это минимум, после чего пойдут некоторые санкции...

– Какие?

– Надо будет проработать, – сказал он, не задумываясь. – Я создам комитет по этому вопросу. У нас есть зубатые юристы, им только дай возможность кому-то вцепиться в ляжку!.. Но зато тем, кто ходит больше, чем раз в месяц, некоторое поощрение.

Я усомнился:

– Надо ли? Все-таки это моральная категория. А то ломаются всякие любители получать пряники на халяву.

Он зло усмехнулся.

– Предусмотрим! При посещении надо будет в обязательном порядке покупать цветы... в нашем комплексе, понятно, чтобы было видно, что не краденые, траурные ленты...

– Венки, – подсказал я.

Он подумал, с сожалением покачал головой:

– Нет, венки пусть только для похорон. Но идея хорошая, спасибо. Возьмем от нее веточку... га-га! В смысле, каждому надо положить на могилку свежесрезанную веточку елки. Вон там в заповеднике их до хрена, подпишем с лесничеством договор... да я за бутылку водки хоть весь лес вывезу! Словом, граждане нашей необъятной страны начнут ухаживать за могилками родителей, сажать там цветы, красить

оградки и всячески поддерживать жизнь. Га-га, каламбур!..

– Ты прямо вулкан с идеями, – сказал я искренне. Про себя додумал, что вулканы полезного пока еще ничего не сделали, но вслух добавил: – Триста миллионов?.. А на следующий?

– В следующем квартале, – сообщил он ликующе, – уже пятьсот!.. Полмиллиардика, здорово?.. Мы здесь выстроим настоящий город!.. Я вообще планирую восстановить древние традиции бальзамирования, мол, больше уважения к предкам! А это еще один комбинат по ритуальным услугам, пара тысяч новых сотрудников, лаборатории, свой заводик, а то и техникум по выпуску лиц... ну, нашей профессии! Нам будут нужны люди с высшим образованием и высоким профессионализмом!

На десятки километров во все стороны расстилалась прекрасная равнина, кое-где прерываемая густыми дубовыми рощами. Я даже видел, где бьют родники, где сразу уходят в землю, где текут бурными ручьями. Все эти рощи под корень, пни придется выкорчевать, а землю утрамбовать и заасфальтировать, чтобы торжественную тишину среди будущих могил не нарушал легкомысленный шелест листвы или веселый щебет птиц.

– Да, – сказал я искренне, – это размах!.. Да, здесь работа предстоит очень серьезная. Очень.

– Ты над этим тоже подумай, – попросил он. – Говорят, ты у них не просто юрист, а что-то вроде Нострадамуса?.. Пред-

сказываешь, куда бабки вкладывать, а откуда лучше забрать поскорее?

– Мы все Пострадамусы, – ответил я, – такое настрадаму-саем...

– Я тоже, – согласился он, – Пострадамус... Очень умный, но – потом... Мол, я ж говорил, я ж предупреждал, я ж подсказывал!.. Нострадамус на лестнице... Но ты подумай, хорошо?

– Подумаю, – пообещал я.

Мысль уже пришла, но настолько страшная, отвратительная, что для того, чтобы ее принять, надо было стать уже не человеком... И тогда это станет просто и правильно.

Глава 6

Бумаги я подписал, местность осмотрел, так что если попробуют поймать на горячем, отбрешусь. Все видел, на кладбище был, познакомился не только с документами, но и с территорией, что под расширение кладбища и новый комбинат ритуальных услуг, оснащенный по самому передовому слову науки и техники. И куда постараются привлечь специалистов высшего класса.

Солнце напекает макушку, словно утеряло календарь, ведь уже осень, пора бы и посдержаннее, посдержаннее. Я покинул кладбище, за это время солнце сдвинулось, мой «фордик» под прямыми лучами накалился, хоть перекрашивай в белый цвет, а от кладбища он метнулся с такой готовностью, словно и сам страшился оказаться в одной из могил.

Я ехал бездумно, останавливался перед красным светом, поворачивал, уступал дорогу «Скорым» и патрульным, а когда съехал в правый ряд и начал припарковываться, вздрогнул и осмотрелся: где это я? Понял, и теплая грустная волна окатила с головы до ног. «Форд» пискнул вслед, мол, иди, развлекайся, никому не дам вломиться.

Я толкнул дверь, вошел, замедленно огляделся. Из двенадцати столиков только три заняты, зал пуст, да еще четверо веселых парней и одна девушка пьют прямо у стойки. Золо-

тистая струя красиво бьет в классические пивные кружки, а не в плод дизайнерских поисков из тонкого стекла. Рядом на стойке уже отстаиваются четыре кружки, пена оседает медленно, нехотя, демонстрируя качество пива.

Молодой официант проследил, как я медленно пробрался к тому столу, где мы сидели в прошлый раз, выждал, принес меню.

– Два пива, – сказал я. – И... креветки.

– Есть свежие раки, – сообщил он.

– Креветки, – повторил я и зачем-то добавил: – В прошлый раз были креветки...

Вот за тем столом, ближе к окну, она сидела. Я видел ее коротко стриженную головку, иногда даже слышал смех, голос, постоянно заглушаемый пьяными голосами ее приятелей. Внезапно ощутил растущую неприязнь ко всем этим беззаботным парням, а потом неприязнь быстро перешла в ненависть. В висках застучало, кровь бросилась в лицо, кожу опалило, как будто заглянул в пылающую печь. Сейчас бы я всех их просто уничтожил. Без всякой жалости побросал бы под гусеницы танка. Сволочи, они хватают ее, раздевают, трахают...

Я осушил обе кружки, но облегчения не принесло, тут же заказал еще две. Черт, обычно пиво расслабляет меня так, что превращаюсь в медузу, которой все по фигу, а сейчас я как граната с выдернутой чекой.

Сердце сладко заныло. За тем столиком двигались при-

зрачные тени, потом я увидел, как Таня поднялась и пошла в сторону туалета. Остальные галдели, перебивали друг друга, а она шла между столиками, удалялась. Я видел, как она прошла через закрытую дверь туалета.

Ноги мои воздели меня сами по себе, по собственной воле. Я двинулся, как сомнамбула, добрался до туалета. Пальцы задержались на дверной ручке, я представил себе ряд унитазов, Таня на среднем...

Отворил, в глаза сверкнуло чистотой и блистающей белизной. В зеркале отразилась моя вытянувшаяся физиономия.

Я машинально сел на тот же унитаз, скосил глаза и как воочию увидел ее рядом. Она смотрела серьезно и сосредоточенно, меня не замечала.

– Таня, – шепнул я одними губами.

Она медленно повернула голову. Я видел белые изразцовые плитки, что просвечивают сквозь нее, но сейчас реальна только она, а не весь этот мир. И ее бесконечно милое лицо.

– Привет, – ответила она молча.

– Я не знаю, – сказал я, – что со мной происходит...

– А что происходит?

– Не знаю. Какой-то сдвиг в ненормальность. Я уже начинаю с тобой разговаривать... В сибирской тайге говорил, в самолете видел тебя среди облаков, снишься всю ночь...

– Ничего, – ответила она серьезно, – «Тайд» все отстирает. Но ты... приходи сюда еще.

Лестница вывела на просторнейший балкон, посредине белый как снег стол, несколько кресел, но я сразу подошел к ограждению из толстых железных прутьев, сверху узкие перила из дерева. Так хорошо опереться и посмотреть не просто вдаль, а вниз, на мелкие игрушечные машины, смешные приплюснутые фигурки крохотных людей. Легкое приятное головокружение напоминает, что слишком перевешиваться через перила – чревато, лучше смотреть вот так в сторону горизонта. Чувствуешь себя повелителем, глядящим на свой мир с высокой башни, выстроенной для тебя твоим же повелением.

Внизу теплый летний воздух, вон там, далеко внизу, прямо на газоне переносная шашлычная. Там запах жареного мяса, специй, еще дальше – зеленая решетка временного базара для продажи арбузов, дынь. Там тоже всегда сладковато-восточный запах, тонкий, изысканный, напоминающий про Али-Бабу, Синдбада с его Шахерезадой. Там аромат свежих овощей, яблок, лимонов, но здесь чистый прохладный воздух, почти горный, сюда не достигают запахи бензина, разогретого асфальта.

По дополнительному балкону с выходом на лестницу, как уже говорил, на каждые четыре квартиры, но только у нас за роскошным белым столом собираемся, пьем чай, перебиваем кости, делая вид, что беседуем на разные возвышенные темы, поглядываем через перила на расстилающийся внизу огромный, сверкающий огнями город... Наш этаж сравни-

тельно благополучен, а вообще по дому продолжают обмен, переезды, съезды, размены. Тремя этажами ниже, в результате разводов и разъездов, образовалась настоящая коммуналка со всеми ее мерзостями, на пятом этаже обосновались какие-то черные из Средней Азии, навезли кучу родни, детей, оттуда плохо пахнет. Дети визжат и размалевывают стены гадостями, помои льют прямо из окон.

У нас не то чтоб уж очень, но годик тому вместо выехавшей семьи музыкантов поселился какой-то жлоб из Средней Азии. Так как четверть общего балкона принадлежала ему, он всю эту четверть заставил старой мебелью, ящиками, заложил обломками стульев, как площадку между своей и моей дверью. Он и здесь пытался поставить бочки с солеными огурцами, еще какое-то хозяйство, мы бы стерпели, я в таких делах тоже размагниченный интеллигент, но нищееанец Лютовой просто встретил его здесь же на балконе, дал в морду и, перевалив наполовину через перила, пообещал сбросить, если тот сейчас же не уберет все это дерьмо.

Этот русский азиат орал, визжал, от него жутко воняло, а когда Лютовой отпустил, с промокших штанов сразу набежала зеленая зловонная лужа. Тогда они с женой быстро все убрали, а еще через месяц быстро и, говорят, выгодно сменяли на дом попроще, зато с квартирами попросторнее. Въехал Бабурин, тоже не подарок, но он один занимает трехкомнатную квартиру, ее загаживать ему хватит надолго, прежде чем перейдет к балкону, все мы кривились, но Майданов долго

и настойчиво твердил, что все мы люди, демократы, а Лютовой махнул рукой и буркнул, что этот хотя бы не обазиатился, а русские все-таки арийцы, хотя некоторые очень-очень глубоко внутри.

Сейчас я снова заглянул на веранду, пусто, поднялся к себе и сразу включил комп. Пока разогревался, проверялся и давил вирусов, тостерница и кофеварка щелкнули в унисон, теперь у меня свежие поджаренные гренки, кофе, а что еще русскому интеллигенту надо, не квас же?

Пальцы привычно опустились на клавишу. По экрану в текстовом формате побежали слова: «Катастрофа самолета», «Кладбище», «Сжигание книг»... Я отхлебнул кофе, подумал и уже медленно, с остановками напечатал слова «Переоценка ценностей».

Дальше экранный лист девственно чистый. В черепе роятся мысли, но в слова пока не выстраиваются. Майданов искренне верит в то, что говорит. Он видит, что юсовцы живут богаче, а вечно голодному русскому интеллигенту автоматически кажется, что «богаче» значит «лучше». А раз так, то мы должны идти по юсовскому пути. Чтоб разбогатеть, понятно. И жить, как считают юсовцы, счастливо.

А то, что по-юсовски счастливо может жить только тот, кто полностью умертвил некоторые стороны своей души, — ему невдомек. Он только видит, что юсовцы очень гордятся, что «умеют жить». Но в наше время, когда о человеке говорят, что он умеет жить, обычно подразумевают, что он

не отличается особой честностью. Проще говоря, полнейшая сволочь.

Симптоматично, что взгляды интеллигентнейшего Майданова и бытового хама Бабурина полностью совпали. Заурядный человек всегда приспосабливается к господствующему мнению и господствующей моде. Более того, Бабурин сумел приспособиться даже лучше рефлексирующего Майданова. Он, как и юсовец по ту сторону океана, считает современное состояние вещей единственно возможным и старается навязать свои взгляды всяким тут умникам, что «не умеют жить».

Можно, сказал я почти вслух, сопротивляться вторжению армий, но вторжению идей сопротивляться невозможно. Мы сумели бы отразить прямое нашествие всего НАТО и СЕАТО... о, тут бы и самые ярые дерьмократы устыдились бы и взялись за оружие! Но мы не смогли выстоять против напора воинствующего мещанства, пошлости, скотства, понижения всего человеческого.

Что делать?

Нужно создавать контроружие.

Еще глоток кофе, гренки хрустят на зубах, разогретая кровь двигается по телу быстрее, в череп бьет шибче, крушит и сносит какие-то барьеры.

Свобода от всякой современной лжи должна начинаться с очищения от груза ветхих авторитетов. Я благодарен Диогену и Аристотелю за их великий вклад в цивилизацию, но я

не хочу знаться с человеком, который их цитирует и посту-
пает так или иначе лишь на том основании, что так сказал
Аристотель, Ньютон, дедушка Ленин или Дональд Рейган,
неважно.

Те гении не сталкивались с проблемами, что возникли в
новом мире. Опыт обмена рабов на зерно или способ при-
ковывания невольников к веслам годились в течение десяти
тысяч лет, они переходили неизменными из века в век. Ме-
нялись только имена народов, стран, племен, но опыт был
востребован, тогда знание классиков было уместным и нуж-
ным.

Но вот разом все рухнуло. Десять тысяч лет скакали на
конях, и классический труд, как подковывать коней для сте-
пи, а как для гор, – тоже переходил из поколения в поколе-
ние. Но теперь кони только в зоопарке. Пришел Интернет, о
котором Аристотель и даже Черчилль ни одним ухом.

Значится, оставим их портреты на стенах, а труды – ис-
торикам. От меня, человека этого мира, глубокий поклон,
но читать их и следовать мудрым для того века указаниям
я не буду. Нужны новые ценности... Ах, все еще нет? Тогда
сформулируем, ибо человек без нравственных ценностей –
уже не человек, а скот.

В этом мире, мире без нравственных ценностей, лучше
всего устроились люди безнравственные и беспринципные,
ибо безнравственность и беспринципность в США возве-
дена в идеал, а вот русской интеллигенции пришлось ху-

же всего. До этого она всячески и с упоением, как бы выполняя некий мистический священный долг, разрушала Русскую Империю, потом то, что осталось от великой империи – СССР, затем – просто огрызок от СССР – Россию. И вот теперь, когда Россия окончательно уничтожена – можно бы сесть слева, как и положено, возле американского сапога, оказалось, что это место занято всякими «европейскими» народами, а она, русская интеллигенция, что всегда плевалась и приходила в неистовство при словах «русское», «русский», «национальное», «патриот», – все равно считается дикой Азией... Да нет, хуже, ибо Азия давно принята в «европейцы», а какие страны еще не приняты, то их примут вот-вот! Всякий видит, что Южная Корея – европейцы, и даже у Северной больше шансов стать европейской державой, в смысле – войти в самые тесные взаимоотношения с миром Запада, чем у территориально близкой к Западу России...

Пальцы поскребли по пустому блюду. От горки поджаренных хлебцев остались только крошки, я их тоже собрал в ладонь и схрустел. В голове жар, за окнами черным-черно, только среди тусклых звезд ползет крохотное созвездие из тесно прижатых друг к другу огоньков.

– Человек, – сказал я вслух, – животное общественное. Эрго, нуждается в обществе...

Суставы захрустели с такой силой, что задребезжали окна. Ого, это же сколько я горбился над клавиой, хребет уже дугой, а ни хрена толкового не напечатал.

Выскочил на лестничную площадку, через гостеприимно распахнутую на общую веранду дверь видно, что жена Майданова заново отмыла стол, там снова вазочка с цветами, весь балкон сияет, перила блестят. Бедные Майдановы из всех сил стараются вернуть дому мир, уют, покой. О Марьяне мы все стараемся не расспрашивать, пусть теперь лечит время.

Я вернулся в квартиру, набросил куртку, вечером явно по-свежело. Не скажу, что уж очень интеллектуальное общение, но альтернатива – сидеть и работать, а работать я ненавижу. Хотя над расчетами взаимодействия чипов, хоть выносить мусорное ведро, хоть над своей теорией, как осчастливить все человечество.

За столом Майданов, Бабурин, Шершень – этого я знаю мало, жилец с другого конца этажа, у них там такой же общий балкон, но тусовка не складывается. Сам Шершень – молодой и задиристый кандидат наук по каким-то осам с длинным, как хвост у допотопного ящера, латинским названием. Мелькнула Анна Павловна, принесла в розеточках варенье. Майданов сбегал в квартиру и вернулся с еще кипящим электрическим чайником, быстро разлил кипяток в чашки. Он натянуто улыбался, начинается так называемое интеллектуальное общение, в противовес забиваемому во дворе «козлу», хотя я не вижу особенной разницы. Здесь было и от общения русских интеллигентов на кухне, и от якобы присущей русскому народу соборности, то есть собираемо-

сти в одном месте, общинности, чуть ли не колхозности или киббуцности, что вообще-то одно и то же.

Хлопнула дверь, Лютовой появился, как кавалергард: прямая спина, живот подтянут, непроницаемое лицо, но в глазах я заметил сдержанное бешенство. Руки его сжимали свернутую в трубку газету.

– О, Алексей Викторович, – сказал Майданов оживленно. – Прошу за стол, мы только по первой чашечке...

Лютовой отрывисто поклонился, сказал «спасибо» и сел. Анна Павловна подвинула к нему розеточку с вареньем, Майданов разливал по чашкам чай. Лютовой расстелил перед собой газету.

– Занятную газету я захватил, – сказал он холодным голосом, бешенство в нем звучало сильнее. – «Вашингтон пост» называется. Слыхали?

– А как же, – ответил Майданов. – Самая авторитетная! Это почти наша газета «Правда» тех времен, ха-ха!.. По ней вся Америка равняется. Да и весь остальной мир.

– Ну-ну, – сказал Лютовой. – Ну-ну. Тогда прочтите. Специально для Женечки Бабурина я сделал перевод, вот эта статья в распечатке на принтере. Прошу, ознакомьтесь...

ИСТОЧНИК ЗЛА

По-видимому, XX в. является самым кровавым, самым жестоким веком в истории человечества. Он

заканчивается убийствами, террором, геноцидом в Косове, как и начинался тем же самым в России. Причина, по которой сербы позволяют себе истреблять людей в конце столетия, в том, что подлинные истребители – русские – никогда не были наказаны, их даже не критиковали за их преступления.

«Политическая корректность» возлагает вину за преступления против человечности на отдельные личности или идеологии. Например, недавно Билл Клинтон и Мадлен Олбрайт обвинили Слободана Милошевича в убийствах и этнических чистках в Косове. Но, Билл, Слободан находился в Белграде и, наверное, он лично не убил ни одного косовара. Убивали сербы, которых Мадлен назвала «хорошими людьми». Сербские мужчины, имеющие семьи, сестер, жен, бабушек и дедушек в Сербии, убивают безоружных людей, насилуют, жгут, грабят в Косове, а Мадлен Олбрайт и Билл Клинтон называют их «хорошими сербами».

По этой же больной логике убийство в этом столетии 100 млн человек в России, надо думать, совершалось только Лениным, Сталиным и коммунистами, а не «хорошими русскими людьми». Правда в том, что в этом массовом убийстве участвовали все русские. Вождь отдавал приказы, но сами убийства с энтузиазмом совершались всем русским народом. Оружие было в руках обычного русского в России, точно так же, как теперь оно в руках обычного серба в Косово, и никакая «политическая корректность» не в

состоянии это скрыть. На самом деле эти безнаказанные преступления русских в начале этого века и стали причиной всего зла, которое последовало.

К 1938 г. русские уже безнаказанно убили десятки миллионов безоружных людей. Видя это, Гитлер решился на холокост – разве русские не убили к тому времени 5 млн украинцев, не вызвав ни у кого возмущения?

Образ действий также указывает на русских как на учителей и как пример для подражания. В 1938 г. из 230 000 латышей, проживавших в то время в России, русские убили 73 000 – почти всех мужчин в возрасте от 16 до 70 лет. В 1992—1995 гг. в Боснии их братья-сербы убивали в основном безоружных мужчин, а кульминацией явилось убийство почти всех (7000) мужчин в городе Сребреница (1995). Сегодня в Косове сербы опять убивают безоружных мужчин. Урок состоит в том, что геноцид наиболее легко достижим путем убийства всего лишь трети населения (то есть мужчин от 16 до 70), другими словами, уничтожение работников и отцов. Сами русские практиковали это в течение нынешнего столетия, последний раз в Чечне, но их упражнения в геноциде были наиболее близки к успеху в Латвии. Сербы видят, что Россия совершила в Латвии, и пытаются сделать то же самое в Косове. Русские учителя разрушали и сравнивали с землей целые деревни в Латвии и Чечне, как их ученики: сербы – в Боснии и Косове, а Саддам Хусейн и иракцы – в Курдистане.

Сейчас ясно, что время «политической корректности» прошло и наступило время правды, моральности и правосудия. Сербь должны быть выброшены из Косова. Все те, кто служил там после февраля 1998 г., должны получить по 30 лет тюрьмы за геноцид.

После этого мы должны вернуться к источнику зла и уничтожить его, и этот источник зла – Россия. России нельзя позволять существовать такой, кака она есть, но из-за ее запасов ядерного, химического и биологического оружия решение проблемы России – самая большая в мире «распродажа». Дайте каждому русскому мужчине, женщине, ребенку \$100 000 с условием, чтобы он навсегда покинул Россию и территорию бывшего Советского Союза. Небольшая, размером со Швейцарию, мини-Россия может быть оставлена вокруг Москвы для 10 млн. русских для сохранения языка. Имеется 125 млн. русских в России, 25 млн. в остатках бывшего Советского Союза. При «распродаже» 140 млн должны будут уехать. Все это будет стоить 14 трлн долл. Поскольку ни один русский не захочет остаться, транши должны быть выделены на 140 млн. мест. Эти деньги будут собраны путем продажи земли и ресурсов России тем, кто потом эмигрирует на эти пустые земли и создаст там новые страны. Параллельно с этим может иметь место сделка по Восточной Сибири, из которой США купили бы настолько большую часть, насколько могли бы себе позволить (то есть покупка Новой Аляски). Это уже

было предложено другими – Уолтером Мидом, членом «Совета по международным отношениям» в 1992 г. и Джоном Эллисом из газеты «Бостон Глоб», в 1998 г. финн Ярма Хеллеваря предложил, чтобы Финляндия купила обратно Восточную Карелию, которая была отнята у нее Россией. Япония могла бы купить Курилы и остров Сахалин.

Разумеется, страны вроде Чечни и Дагестана стали бы независимыми государствами и не были бы включены в «распродажу».

Несколько основных правил. Не более 5% русских в какой-либо одной стране, чтобы не разложить ее. Следовательно, для США – не более 14 млн русских. Русские получают 30% денег в момент иммиграции и по 10% ежегодно в течение последующих 7 лет, так как вы не можете верить русскому. Все это гарантировало бы, что эти агрессивные, варварские, бессовестные люди не будут больше ни совершать преступлений против человечности, ни учить других это делать. Если вы верите, что характер или воспитание доминируют, то, если русские останутся вместе в России, каждое новое поколение получит и характер, и воспитание от предыдущего поколения. Если бы мистер и миссис Гитлер вместе с их ребенком Адольфом эмигрировали в Дэс Мойнес, штат Айова, то не было бы и холокоста. Давайте же защитим мир, а также и русских людей от следующего русского преступления против человечности. Организуем величайшую в мире

«распродажу».

*Эйварс Слукис, доктор медицины, газета «Вашингтон пост»,
10 мая 1999 г., стр. 16.*

За столом царило ошарашенное молчание. Лютовой ска-
зал после паузы:

– Я не хочу комментировать, опровергать или что-то го-
ворить по поводу самой статьи. Но то, что она опубликована
в «Вашингтон пост», в такой газете... это не районная газета,
как уже сказал уважаемый Андрей Палиевич, дает нам пра-
во говорить в адекватном ключе. То есть об уничтожении,
расчленении, искоренении такого образования, как США.

Майданов отшатнулся, потрясенный. Лицо его стало бе-
лым.

– Да как вы... да как вы... осмелились? Как у вас вообще
язык повернулся?

– Вот-вот, – сказал Лютовой мрачно. – Эту статью вы при-
няли без комментариев. Может быть, не согласны, но возра-
жать не смеее. Юсовцы уже приучили вас, что могут гово-
рить все и делать все. А нам нельзя не то что написать такое,
даже сказать... даже подумать нечто подобное!

Я сказал вежливо:

– А может ли кто-то представить себе, чтобы подобная
статья была опубликована в нашей прессе?

Бабурин захохотал:

– Да я эти статьи в каждой газете вижу! И по жвачнику
только и говорят, как расчленить Россию...

– Бравлин говорит о Юсе, – перебил Лютовой. – Кто-то может себе представить, чтобы в таком оскорбительном ключе написали у нас о США?

Майданов сказал оскорбленно:

– Вы нашему народу таких нехороших взглядов, даже мыслей не приписывайте...

– Нашему доброму, православному, богобоязненному... – сказал Лютовой ехидно.

– Да, – ответил Майданов, – уж позвольте возразить, но в самом деле, нашему доброму! Там могут высказывать все, даже людоедские взгляды, хотя в целом США – факел и светоч западной культуры и действует только в рамках законности. А вот мы даже высказывать такое не должны. Да, не должны! Ибо... ибо у нас от слова к делу расстояние не длиннее рукояти топора!

Анна Павловна суетливо проскользнула за нашими спинами, наполнила чашки. Я поблагодарил кивком, сказал примирительным тоном:

– Это раньше так было. Теперь и у нас только языками мастера... И лизнуть, и просто поболтать. Это у исламистов от слова к делу расстояние не больше диаметра атома водорода...

Лютовой поморщился, словно ему напомнили о бездействии патриотических организаций, заговорил, сразу накаляясь, как о наболевшем:

– Кто спорит, кто спорит? Да, у ислама больше моральных

ценностей, чем у так называемой западной цивилизации!.. Но дело в том, что моя Россия – тоже часть западного мира! Хрен с ними, Юсой и ее сворой – пусть бы ислам их перемолол в порошок, я бы только поаплодировал. Но для ислама нет разницы: Юса, Россия или Китай. Потому я вместе с западным миром и буду бить этих гадов!.. Да, гадов. Мне ислам не подходит, ибо у них моральный уровень в прямой зависимости от степени экстремизма. Самый низкий – у «светского ислама» по-турецки, самый высокий – у ваххабитов и талибов, а для меня исключается учение или вера, что обрубают мне доступ в Интернет!.. И даже к телевизору!

Майданов повернулся ко мне:

– А вы как к исламу, Бравлин?

Я развел руками:

– Увы, сказать нечего. У западного мира – наука и технический прогресс, но моральная деградация, у исламского мира... скажем, все наоборот.

– И что выбираете?

Я покачал головой:

– Ничего.

– Э, нет, – ответил Лютовой. – В этой драке на всем земном шаре не найти мудрому пескарику места, чтобы отсидеться! Даже Китаю, думаю, достанется, хотя он, если честно, выбрал себе самую удобную нишу, вы заметили?.. Запад и Восток дерутся, а Китай неспешно набирает левелы, пойнты, собирает бонусы...

– Да-да, – сказал я поспешно, – Китай – это...

Разговор благополучно перетек на Китай, вспомнили с десяток анекдотов, где обыгрывается численность китайцев, поязвили про их менталитет, я подбрасывал дровишки в огонь, время от времени подливал керосинчику, только бы не вернуться к теме Востока и Запада. На самом же деле есть и такой дикий вариант, когда от Запада взять науку и технический прогресс, а от ислама – моральный дух, которого так недостает Западу. Увы, это лишь мечта, она разбивается не только о нежелание Востока и Запада конвергироваться, но и о саму суть фундаментализма... да и о твердолобость западников, не желающих поступаться своими «завоеваниями культуры» в сфере совокупления с животными и швыряния тортами.

А о третьем пути заявлять еще рано. Все, что не уложено в твердые чеканные постулаты, подвергается осмеянию. Правда, даже твердые и чеканные тоже забрасывают какашками, высмеивают, улюлюкают, но все же легче стоять под этим градом, когда есть что сказать, когда не мямлишь, на ходу формулируя новое учение... веру... религию?

И вдруг Шершень сказал совершенно серьезно:

– А вы не предполагаете, что именно в России и появится нечто... нечто, которое изменит это нелепое равновесие? То самое, когда на одной чаше весов – техническая мощь, на другой – духовное превосходство?

Глава 7

Я поперхнулся чаем. Кроме того, что Шершень – спец по насекомым, он еще и человек, которого... не любили. Уважали, ценили, но не любили. Он, обладая живым умом и немалыми знаниями в самых неожиданных областях, не обладал необходимым для уживаемости тактом где-то смолчать, на что-то не указывать пальцем. Так что его ценить ценили, но сторонились. Все предпочитаем жить в обществе милых приятных людей, пусть не шибко умных, это дело десятое, но обязательно – милых и приятных, какие в массе своей общечеловеки «а ля Юса», как, например, наш милейший Майданов. От Шершня обязательно ждали пакости, выпада, язвительного замечания, именно так и поняли сейчас, ибо Майданов сказал с приятной улыбкой:

– Дорогой Павел Геннадиевич, вы всерьез? В России зародится новое учение, что завоюет мир? И поднимет человечество на новую ступень?

Шершень спросил так же серьезно:

– И почему это вас так удивляет?

Лютовой отмахнулся.

– Меня, к примеру, не удивляет, а возмущает.

– Почему?

– Потому что дурь.

– А почему дурь?

– А потому, – ответил Лютовой сварливо. – Гранаты надо брать, юсовцев мочить!.. Зубами их грызть, глотки рвать!.. А вы – учение...

– Я не сказал, – возразил Шершень, – что именно учение. Я сказал «нечто». Может быть, это обретет форму веры или религии?.. Или чего-то еще, вроде Морального Кодекса Строителя Коммунизма, но привлекающего многих?

Майданов всплеснул руками.

– Как вы можете говорить такие ужасные вещи? Мочить, зубами, глотки... Юсовцы... тьфу, американцы, несмотря на все еще встречающиеся у них отдельные недостатки, люди достаточно культурные, вежливые. Им мы обязаны нынешним взлетом куль... ну, пусть цивилизации. Технической, я имею в виду, с этим спорить не будете?

Лютовой пробасил насмешливо:

– Технической... Это я слышу от духовника! Ну, размышляющего о духовенстве... тоже тьфу, духовности!

– А вы отрицаете роль техники в развитии культуры?

– Ничуть, – ответил Лютовой, и нельзя было по его серьезному виду сказать, шутит он или говорит серьезно, – автоматы Калашникова – прекрасный довод!.. Или граната, заброшенная в окно колабу.

– Фу, как вы можете даже шутить на подобные темы!

Шершень посмотрел на Майданова и молча прихлебывающего чай Лютового очень серьезно, покосился на меня, я молчал и тоже шумно схлебывал горячий чай.

Шершень сказал негромким серьезным голосом:

– А что, вы в самом деле не знаете, где зародилось христианство? Именно в оскорбленной и униженной Иудее, которую тогдашние юсовцы поставили на четыре кости. Были молодые и горячие, что зубами грызли тех юсовцев, глотки рвали, а когда удавалось – поднимали восстания. Алексей Викторович, хочешь быть новым Бар Кохбой?.. Красиво погиб, согласен. Но империю тогдашних юсовцев развалили мыслители, что придумали новое учение. Был ли распят Христос и был ли вообще – мне по фигу. Я вообще считаю, что все это сделал Павел. Главное, что их учение завоевало мир и похоронило тогдашних юсовцев. И в самом деле сделало мир лучше. А Россия сейчас – та же Иудея, которую римляне этого века поставили и со смехом пользуют. И весь мир наблюдает это унижение.

Я склонился над чашкой ниже. Лицо опалило жаром, но по спине помчались крупные мурашки. Он говорит то, что я говорю себе чуть ли не каждый день. Неужели это так назрело?

А Шершень снова коротко взглянул на меня и, словно прочитав мои мысли, продолжил:

– Сейчас вся Россия бьется в судорогах, не зная, как выбраться из этого затяжного кризиса. И масса народу ломает головы в поисках новой национальной идеи, новой теории, новой веры... вообще чего-то, что способно вытащить страну из дерьма.

Мы некоторое время пили чай молча. Лютовой и Майданов хмурились почти одинаково. Майданова устраивает, что Юса нас завоевала, он предпочел бы, чтобы это завоевание было обозначено еще больше, а у Лютового уже есть идея, которой изменять не собирается: Россия превыше всего, и с нами Бог!

Я посматривал на Майданова с искренним сочувствием. «Общепринятые человеческие ценности» с русской интеллигенцией сыграли прескверную шутку. Она всегда старалась быть святее папы римского, потому постоянно вляпывается в свое же дерьмо. Здесь, в России, стоит сказать какое-то резкое слово или дать иное определение, отличающееся от «общепринятого», как русская интеллигенция наперебой бросается навешивать ярлыки типа «фашист», «националист», «антисемит», «шовинист», «имперец», хотя чаще всего сторонники диктатуры или имперства и под лупой не находят диктаторства, как евреи не видят антисемитизма, но русская интеллигенция все это «видит», «чуёт», стараясь быть чище всех, и потому выглядит грязнее и подлее всех. Естественно, и уважение к ней, как к шабес-гою, как к лакею на побегушках у сильного мира сего.

– А что скажете вы, Бравлин?

Я держал чашку в ладонях, от нее в меня переливалось приятное животное тепло, словно держал большое горячее сердце...

– Не знаю, – ответил я искренне. – Временами мне жаль

Юсу.

Лютовой и Майданов удивились, каждый по-своему.

– Юсу?.. Шутите?

Я пояснил:

– Когда в пятидесятом году в ГДР попытались сбросить власть русских, СССР туда бросил массу танков, все восстание утопили в крови. Когда в Венгрии пытались избавиться от своих же коммунистов, из СССР оказали «братскую помощь» и танками размолотили в щепень целые городские кварталы прямо в столице. В Чехии нашли третий путь: честно на выборах переизбрали правительство, так что пришлось оказать «братскую помощь» уже совместно с другими братскими странами: ввели войска из ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии, а также, понятно, СССР. Совсем другой сценарий опробовали в Польше, совсем нам нельзя было вмешиваться, но тогда пригрозили, что пришлем войска, если они сами не... Генерал Ярузельский лично ввел коммунистическую диктатуру, только бы не нагрянули русские и не ввели ее сами. Словом, все упиралось в СССР... И все понимали, что в какой бы стране ни попытались сбросить власть коммунистов, СССР не позволит. Но вот если суметь разрушить эту власть в самом СССР, то спасать коммунизм не пришлют танки ни чехи, ни венгры, ни поляки...

Лютовой, человек действия, уже давно потерял нить моих рассуждений, спросил нетерпеливо:

– Это вы к чему?

— А вы не заметили, что США в таком же положении? Сейчас они в положении мирового жандарма. И все прогрессивные... да-да, точно так же, как было с СССР, стремятся разрушить империю этих горилл с крылатыми ракетами. Юсе еще долго придется расхлебывать плоды своей победы над миром. Не расхлебают, подавятся. Не поможет даже дымовая завеса, что действуют не одни, а якобы вместе с «цивилизованным миром» оказывают кому-то «братскую помощь»!

— Бравлин, — сказал Майданов очень-очень укоризненно, — какие победы? США со всеми сотрудничает, а не воюет.

— Ну-ну, — сказал я. — Вы в самом деле не видите, в какую дыру загнали себя США своей экспансией? Они уже не могут остановиться. Да, это уже их и политика, и мировоззрение, и суть... Но — горе победоносной нации! Победитель — всегда в наихудшем положении, ибо тут же наглухо закрывается от всех реформ, от всех новшеств, упорно противится всему-всему, кроме, понятно, развития науки и техники... да и то лишь той, что служит его желудку, гениталиям. Зато потерпевший поражение делает успехи уже на другой день после поражения от этих горилл!

Лютовой задумался, брови полезли вверх, а Майданов отшатнулся.

— Бравлин, вы говорите ужасные вещи!.. Гориллы с крылатыми ракетами...

— А вы можете себе представить интеллигента, — спросил я, — с хорошо накачанными мускулами?

На минуту воцарилось молчание, слышалось только побрякивание чайных ложечек. Мы все, подумал я зло, постоянно и подленько врем. И добро бы «во спасение», а то угодливо поддакиваем даже по такой мелочи, что да, Бэзил Пупкинс – велик, велик, а вот Айвэн Пуппэнс так и вовсе войдет в историю как создатель виртуализма... хотя ни того, ни другого не читали. Но как не врать, когда каждый депутат или президент страны, не моргнув глазом, говорит прямо в телекамеру, что у него на рабочем столе лежит раскрытый Чехов... или Игуансон, Толстой, Достоевский, а на очереди еще Фет... Набоков, Кафка?.. А в поездку по регионам он берет Бунина... Бодлера, Папуансона?.. И все мы видим, что брешут, как поповы собаки? То же самое в политике, культуре, искусстве?

Все брешут, гады!.. Все. И президент, и депутаты, и соседи по лестничной площадке. Брешут трусливо, брешут помелкому. Зачем? Ведь никому же не оторвут гениталии, если скажет честно, что читает только Доцюка и Головенко! Но врут, ибо эта брехня уже стала нашей второй кожей. Да где там второй – первой. Сними ее – и подохнем!

Но если... не подохнем?

Лютовой сказал раздраженно:

– Хватит нам увязать в вечных бесплодных спорах о России! Особенно с теми, кто вечно и непрестанно вопит, что Россия – дерьмо, русские – дерьмо, что нам, тупым и криворуким, вечно жить в дерьме, пока нас Запад не вытащит из

дерьма за уши. Хватит с этими спорить. Уже пора уничтожать. Молча. Стрелять – кто может стрелять, бить топором – у кого топор, травить и душить – у кого только голые руки.

Майданов сказал шокированно:

– Нельзя быть таким экстремистом!

– Почему?

– Да просто нельзя! Некоторые вещи нельзя потому... что нельзя.

Лютовой сказал твердо:

– Эту грязь надо вымести из нашего народа, ибо грязь имеет обыкновение расползаться, пачкать других.

– Нельзя, – повторил Майданов. – Вы – экстремист. Боремся с этим экстремизмом, боремся... а он откуда-то берется снова. Мне рассказывали, как недавно на центральной площади организовано прошло сжигание основного труда самого большого экстремиста... даже имя его не хочу произносить...

Шершень поддержал серьезно:

– И не надо, тыфу-тыфу, на ночь глядя... Мы все недавно видели демонстрацию слабости этого общества... да что там общества – всего так называемого западного мира! Западного – не по географии, а по ареалу признанных ценностей. В этот западный попадает не только Россия, мы вечно враскорячку, но и всякие там сингапуры или южнокореи. Мы видели, как сжигают книги, ибо в слабеющем западном мире уже запрещены ряд книг, ряд идей, ряд мыслей.

Майданов вскинул брови, отшатнулся, донельзя шокированный:

– Вы считаете это слабостью? А что же тогда сила?

– Да, – отрезал Шершень. – Это слабость, что ведет к могиле. Запрещать надо убийства да грабежи, когда действие, направленное против вас, происходит так мгновенно, что не успеваешь уклониться от пули или ловкой руки карманника. Но пропаганда – это удар очень замедленного во времени действия! Здоровое государство... даже не государство, а само общество!.. должно либо тут же ответить еще более мощным ударом контрпропаганды и тем самым обезвредить яд, либо просто проигнорировать, как здоровый организм не замечает сквознячков...

Майданов развел руками, забыв от волнения, что держит чашку, плеснул на пол, смутился.

– Извините!.. Просто ваши слова столь чудовищны, что я уж и не знаю!.. Как это проигнорировать? Как это проигнорировать? Пропаганду фашизма проигнорировать?

– А что, – сказал Лютовой злорадно, – слабо ответить?

– Разве это не ответ?

– Это уклонение от ответа, – объяснил Лютовой. – Неумение найти слова. Заткнуть оппоненту рот – разве это ответ? Это признание, что противник прав.

– Ну уж, знаете ли!.. Вы говорите... вы говорите такие возмутительные вещи!.. Да и вообще черт знает что, извините!.. По-вашему выходит, что Гитлер... тьфу, произнес-таки это

гадкое имя!.. что этот негодяй – интеллигент, труды которого сжигают гориллы?

Шершень захохотал, разряжая напряжение.

– Это не он, это вы сказали!

Разрумянившаяся Анна Павловна внесла кипящий чайник. Слыша наш смех, она тоже улыбнулась слабым отраженным светом. Шершень вскочил, начал придвигать на край стола опустевшие чашки.

– Я слышал, – сказал он, – что патриот – человек, который любит свою страну, зато граждан ее терпеть не может. Это верно?

Майданов выставил перед собой белые ладони:

– Это не ко мне, это к Лютовому!

Бабурин провозгласил мощно:

– Как патриот, заявляю: славяне были самым вольнолюбивым народом на свете! Их часто угоняли в рабство, но они и там не работали.

Лютовой сказал невесело:

– Шутки шутками, но сейчас признаться в патриотизме – это рано или поздно лишиться работы, имени, имущества, быть обвиненным в какой-нибудь уголовщине, сесть за рытье подземного хода из Москвы в Австралию, чтобы ограбить там банк... Сейчас можно признаваться только в любви к оккупантам, увы!

Майданов сказал горячо:

– Ну что вы в который раз! Где это США оккупировали?

Просто мы вошли в более тесный союз с цивилизованными странами. Только и всего. Бравлин, а вы что отмалчиваетесь?

Я мирно жевал сухарики, слушал вполуха, мысли лениво ползали в черепе, как будто улитки плавали в густом сиропе.

– Да так, – ответил я нехотя. – При захвате любой страны очень важно внушить жителям мысль, что это вовсе не захват. Помощь, освобождение или же просто некая гуманитарная миссия. Или вот союз с «цивилизованным миром». Более тесный, так сказать, союз. И с каждым разом все более тесный... А те небольшие жертвы, что случились, ну, вы же знаете, люди разные, при любом режиме находятся хулиганы, что пользуются поводом пограбить магазины...

– Хулиганы, – сказал Майданов быстро и посмотрел на Лютового. Тот откровенно скалил зубы.

– Россия сейчас захвачена, – продолжал я. – Этого не понимают лишь те люди, которые захват представляют по фильмам об ужасах фашистской оккупации. В тех фильмах немцы ходят по улицам и стреляют всех встречных, а женщин обязательно насилуют прямо на улице... ох, простите, я не намеренно!.. а потом зверски убивают. Но даже фашисты свои захваты представляли как освобождение: в России – от большевиков, в Европе – от захвативших власть жидов. Сейчас же методы оккупации стали куда изощреннее и скрытнее. В захваченной стране никто не станет вешать свой флаг на здании парламента или мэрии или вводить в город танки. Напротив, всячески будет подчеркиваться независи-

мость данной страны и расхваливать мудрое решение его народа влиться в общество продвинутых стран. И «цивилизованных».

Майданов смотрел на меня почти с ужасом.

– Бравлин, – произнес он дрогнувшим голосом, – вы... тоже? Я считал вас культурным человеком!

– И я считал, – признался я. Подумал, добавил: – Впрочем, и считаю.

– Но как же... Неужели вы оправдываете этих боевиков из РНЕ, что убивают людей? Неужели вы считаете их путь... правильным?

Я отхлебнул, ожегся, отпрянул от чашки.

– Я считаю, что прежде всего надо решение поискать там, где еще не искали. Или искали плохо.

– Где?

– В идее, – объяснил я. – Все необходимые предпосылки для возникновения новой веры есть. Мы в такой дупе... и так быстро исчезаем, как нация... Что нужно? Утопающий хватается и за гадюку, понятно, но в данном случае надо, чтобы утопающий, выбравшись на берег, не отбросил спасшую его ветку за ненадобностью, а взял ее с собой. А человек с нормальной психикой не потащит ее с собой только потому, что она ему жизнь спасла! Он возьмет ее с собой только в случае, если она и дальше чем-то окажется нужна, необходима, даже незаменима. Ну, сможет отбиваться от собак, отмахиваться от мух и комаров... Словом, нужна.

Анна Павловна наполнила быстро пустеющую вазу с печеньем хорошо прожаренными сахарными сухариками. Шершень захрустел ими первым, подмигнул мне, указывая взглядом. Бери, халява!

– В противовес юсовской философии, – закончил я, – где дозволено все, наша новая идея должна, увы, часть весьма привлекательного дозволенного перевести в недозволенное! Задача – так подать непопулярное недозволенное, чтобы это стало знаком доблести. Сейчас человек с гордостью заявляет: «А я – пью!» или даже «Вот такое я говно!», в то время как в непьющести приходится признаваться шепотом, как в каком-то гаденьком грешке. Надо суметь поменять эти знаки. Для нашего народа это равносильно спасению.

Все заговорили разом, слышался хруст и сёрбанье, сухарики разделялись с треском, будто ломаешь у костра сухие ветки. Напряжение немного спало, ибо я сказалул благоглупость, что очевидно для всех: всяк понимает, что нужно сделать, но вот *как* это сделать, чтобы приняли? Мол, я знаю, чем накормить народ, но станет ли он это есть...

Шершень поинтересовался:

– Что-то я не врубилси... Бравлин, ты враг или друг Юсы?... А то тебя слушаешь, все страннее и страннее...

Я удивился.

– Почему враг или друг?

Он развел руками:

– Ну... а что, можно как-то и сбоку припеку?

– А мне, – ответил я хладнокровно, – по фигу простенькие алгоритмики. Вы знаете, что такое алгоритмики? Во, слышали... «Да-нет» – вот и все их команды. Мне по фигу, повторяю, их мнение, их оценки. Я не сторонник, но и не противник. Для меня все эти прямоходящие обезьяны – единый вид. Если хотите – единое племя. Умея читать... вы тоже, наверное, пробовали?... я ознакомился с сотнями учений и политических теорий, как осчастливить мир и дать людям счастье. У меня в компьютере слишком большой выбор рецептов, чтобы я вдруг начал какой-то из них ненавидеть... Но даже вы уже догадываетесь, что путь Юсы чреват...

Шершень хмыкнул, на мое ерничанье внимания почти не обратил, хотя, возможно, зарубку в памяти сделал, чтобы усть в ответ при случае.

– Да уж как-то догадываюсь.

Я сказал мрачно:

– Юса скоро грохнетя. И грохот от ее падения будет погромче, чем от рушащегося коммунизма... Ох, простите, мне завтра рано вставать! Надеюсь, завтра увидимся.

Да, грохот будет погромче, думал я мрачно по дороге в свою квартиру. Когда коммунизм еще не рушился, но уже заметно подгнил, все с надеждой смотрели в сторону Юсы. Мол, в России факел угасает, но там еще горит! Даже разгорается ярче.

Но ведь в Юсе уже погас. Этого не видят только простые люди, слишком замороченные постоянными поисками, как

накормить семью, а в оставшееся время – как оттянуться, побалдеть, расслабиться, с банкой пива полежать перед телевизором. Что-то должно быть еще... Нельзя допускать, чтобы мир погрузился во тьму, а там в темноте лихорадочно высекать спички, зажигалку и в конце концов судорожно высекать огонь камнями. Правда, есть еще факел ислама, он не гаснет, даже разгорается в фундаментализме, но мне что-то неуютно в их мире. Там нет, как сказал Лютовой, компьютеров, Интернета, живописи, кино и театра...

И что же?.. Нужно, чтобы кто-то начал высекать новые огоньки еще до полного обвала.

Кто-то?

Давай, не играй с собой, парень...

Глава 8

На другое утро по дороге на службу встретился у лифта с Рэндом. Это псевдоним, настоящее имя не старался узнать, Рэнд и Рэнд, какая мне разница. Это Рэнду очень важно, чтобы мы все знали, что у него здесь пятикомнатная квартира, свой особняк за городом, катается на собственных арабских конях, три «мерса», счет в швейцарском банке, две аптеки на Тверской, в прошлом году побывал в Чехии и приобрел небольшой заводик по производству темного пива.

Я кивнул ему, все-таки сосед, он тоже кивнул и ответил могучим густым голосом:

– Утро доброе... Да, доброе!

В шахте лифта тихонько шумит, кабина поднимается к нам на двадцатый. Я смотрел в дверь, на Рэнда смотреть противно, а у него в глазах недоумение: ну когда же это я попрошу у него автограф? Все-таки рекордсмен, в Книге рекордов Гиннесса, постоянно идет по «ящику» его шоу, его портрет на обложках популярных журналов, он часто дает интервью телеканалам. Участник программ «Герой без штанов и галстука», «Человек недели», «Выбор дня», да не перечесть программы, в которых он учит зрителей, как жить, рассуждает о политике, морали, искусстве, дает указания писателям, о чем писать, художникам – что рисовать, ученым – как делать открытия. Дает уверенно, как человек, добив-

шийся успеха. Добившийся в той же области, что и они все, — в шоу-бизнесе.

Рэнд — это как раз воплощение тезиса о всестороннем развитии. Когда человека сочли уже состоявшимся продуктом, с чем я лично не согласен, его начали... э-э... развивать. Все развивать. Ученые заставляли его делать открытия, музыканты — сочинять симфонии, художники — создавать полотна на скалах, а потом на холстах, спортсмены — качать мускулы и поднимать штанги, прыгать, бегать, плавать, ползать... Создавались новые отрасли науки, новые течения в искусстве, новые виды спорта, вроде катания на скейтах, сноубордах, женского бокса и поднятия тяжестей...

Рэнд стал чемпионом мира по спитфлаю. На прошлом чемпионате мира он ухитрился послать плевок на девятнадцать метров, на чемпионате Европы сумел довести рекорд до девятнадцати тридцати, а в интервью заявил потрясенным журналистам, что на Олимпийских играх сумеет взять и заветную круглую цифру «двадцать», тем самым разменяв второй десяток.

В шахте легонько стукнуло, двери раздвинулись. Мы вошли, встали, прижавшись к противоположным стенкам, оба старались держаться друг от друга как можно дальше, как обычно становятся все здоровые мужчины, не склонные к гомосексству.

Впрочем, подумал я зло, даже гомосексство это входит в

понятие гармоничной развитости. Всесторонней развитости. То есть, с любой стороны, гм, можно...

Лифт двигается плавно, без толчков и покачиваний. Мой взгляд упирался в чудовищный кадык Рэнда, сползал на его могучую грудную клетку, уж лучше это рассматривать, чем огромные, как оладьи, верблюжьи губы. Рэнд все время что-то жует, накачивает плевательные мышцы рта. Ему уже заплатили сто тысяч долларов аванса за написание краткого учебника по спитфлаю, а еще он выступает на показательных соревнованиях, где тоже огребает внушительные гонорары, докторам наук такие и не снились.

Дверцы распахнулись, Рэнд гордо вышел, я услышал в подъезде восторженное: «Рэнд! Смотрите, Рэнд!.. Тот самый, чемпион... рекордсмен...» Кто-то сразу метнулся с протянутым блокнотом и ручкой наготове, явно караулил часами, но Рэнд небрежно достал из нагрудного кармана свою, рэндовскую, на ней так и написано, лихо поставил росчерк.

– Какой он демократичный, – сказал кто-то мне с восторгом, – совсем простой, доступный простому народу!.. Настоящий народный герой!

– Да уж, – промямлил я. – У каждого народа свои герои...

– Он чемпион мира!

– Каждый народ, – ответил я, – имеет тех героев, которых заслуживает.

Рэнд вышел, окруженный толпой, а когда я наконец вы-

брался из подъезда, он уже сидел в свой длинный, как подводная лодка, черный лимузин. Поклонники окружали машину, пытались заглянуть через тонированные стекла.

Заповедь для будущего учения, сказал я себе, заповедь... Как бы ее сформулировать... Ладно, сформулируем потом, а сейчас пока саму суть: если и не подводить этих вот... под расстрельную статью, хотя и хочется, то как объяснить народу, что популярность популярности рознь. Что общество обречено, если на обложках журналов будут красоваться вот такие герои.

Я съездил на службу, взял пару дел на рассмотрение, пообещал одно по дороге закинуть в суд к адвокату Вертинскому, нашему старейшине, резюме на другое скинуть по емэйлу и с удовольствием вышел на свежий воздух. Правда, чувствуется запах гари. В соседнем квартале горит здание, оттуда доносятся резкие звуки сирен, с той стороны гулко бабахнуло. В таких случаях всегда говорят, что взорвался газовый баллон, я тоже так говорю другим и даже себе, так спокойнее.

На стоянке на удивление пусто. Я развернулся на пяточке, машина легко и чисто понесла по широкому проспекту. Через полчаса езды, когда меня остановили для проверки всего раз, ощутил, что проголодался, присмотрел по дороге летнее кафе со столиками прямо на тротуаре. «Форд» ловко вписался между двумя «жигуленками». Я вышел и сразу сказал

девушке в белом переднике официантки, что делал ее похожей на пионерку тех давних времен:

– Бифштекс!.. Побольше.

– Что будете пить?

– Сок, – ответил я.

Она вскинула красивые тонкие брови, голос ее потек томно, постельно:

– Всего лишь? Мужчины на таких крутых тачках пьют виски...

– За рулем пить не положено, – сказал я наставительно.

Она подвигала крупной грудью, поиграла бедрами, взгляд ее был многозначительным.

– Не положено, – сказала она томно, – для других... а не для мужчин на таких тачках...

– Умница, – отрезал я. – Ты права. Мужчины на таких колесах сами решают, что им пить, что есть, кого ставить. Бифштекс и сок – да побыстрее!

Ничуть не испугавшись строгого тона, она отправилась к стойке, так мощно двигая бедрами, что обрушила бы здание Всемирного Торгового Центра, успеи его выстроить заново. За соседними столами пробавлялись в основном мороженым, сладостями и коктейлями, в том числе и алкогольными, благо оккупационные власти решили, что пьющие русские им менее опасны, чем трезвые.

Я торопливо кромсал и глотал бифштекс, погрозил кулаком мальчишке, слишком уж настойчиво пытается заглянуть

в кабину, даже пробует на прочность зеркало заднего вида. Мальчишка сделал вид, что просто восхищается мощной машиной.

Я слышал, как один за соседним столом торопливо и сбивчиво объясняет соседу:

– Нет-нет, я не коммуняка!.. Это ГУЛАГ, репрессии, подавления разные... Просто я не знаю... Требуется нам чего-то!

Второй сказал ехидно:

– Снова весь мир насилья мы разрушим...

– Нет-нет, – испугался первый, и я сразу узнал в нем юного клона Майданова, – как вы можете говорить такие ужасные вещи?.. Это немыслимо... Просто вдруг захотелось, понимаете? Захотелось очень, чтобы было из-за чего страдать, даже... не смейтесь только!.. сдерживать скупую мужскую слезу... а то и ронять!

Сосед кивнул, глаза понимающие, улыбнулся одними губами. Второй парнишка, остролицый и быстрый в движениях, сказал ехидно:

– Поскреби русского интеллигента – обнаружишь скифа. Любишь поджигать дома, признайся? А вытапывать посевы?

Мужчина произнес мягко:

– А что, разве этого жаждет каждый?

Крутобедрая официантка принесла мне сок, загородив мужчину. Я уже не слышал, что говорил он и что отвечали

ему, да и сказал про себя. Он говорит, конечно же, правильно... для сегодняшнего дня, но в наше бурное время нужно жить с опережением, а эти «весь мир насилия мы разрушим» уже устарели. Не потому что устарели на самом деле, ведь «весь мир голодных и рабов» правильнее толковать как голодных на духовную пищу и рабов общепринятых ценностей.

Надо по-иному, сказала во мне подсознание. Такое же мощное «иное»... или мощнее. И обязательно такое же злое, вызывающее у одних восторг, у других – бешеную ненависть.

За тем столом разгорался спор. Парни говорили тихо, но в этом кафе не гремит музыка, а шум со стороны улицы не забывает злые молодые голоса:

– Ты еще пещерное время вспомни!.. Мы должны пользоваться той высочайшей культурой, что принесли Штаты...

– Вован, да брось ты херню молоть!

– Это ты, Смайло, хреновину порешишь. Нашел культуру...

– Да, культура!.. А ты, если такой умный да храбрый, если такой герой, то пойдя и спали юсовское посольство! Или брось в него гранату. А то языками все трепать горазды...

Есть такой прием информационной войны, мелькнуло у меня в голове, как провоцирование на преждевременное выступление. Не выйдет у вас, господа провокаторы. Совсем недавно все мы, в том числе и я, буквально молились на Юсу, что придет и спасет нас от тоталитарного режима дураков. И многие майдановы еще по инерции молятся. Сейчас не вы-

полнена до конца предварительная задача – раскрыть глаза массовому общественному мнению. Слишком уж застали нас врасплох, слишком уж задурили массового человечка. Ничего, грянет час, не только спалим посольство и перевешаем подкармливаемых ими коллаборационистов, но и на том континенте за океаном установим свой порядок.

Я допил сок, бросил деньги на стол, поднялся. Это, конечно, не значит, что будем ждать сигнала, чтобы разом в атаку. Отдельные батальоны, вроде ребят из РНЕ, могут вступать в бой и даже теснить врага, но на преждевременное выступление всей армией нас подтолкнуть не удастся. Выступим, когда изволим.

Спор разгорелся с новой силой, но я уже вышел из-за стола... и остановился. По тротуару по направлению к Центру шел огромный бородатый человек. Рубашка порвана, на темной от солнца груди кучерявятся золотые волосы, от него шарахаются, прижимаются к стенам или выскакивают на проезжую часть, провожают испуганными вытаращенными глазами.

Он шел и кричал исступленно могучим голосом полководца:

– Предрекаю приход Великого Закона!.. Вы все погрязли во грехе!.. Это будет страшный Закон!.. Это будет лютый Закон!.. Опомнитесь, пока не поздно!.. Опомнитесь, ибо всех вас Закон сметет, как гору мусора, и испепелит в нещадном огне!

Он прошел, огромный и страшный, я тоже стоял в сторонке, давая ему дорогу. Сквозь толстую оболочку черепа стрельнула острая до боли мысль: это же он предрекает мой приход! Это он торопит меня. Он чувствует мой приход, как животные чувствуют приближение великой грозы или страшного землетрясения. Весь мир уже чувствует, только я все медлю, все оттягиваю, все ссылаюсь на то, что еще не готов, что надо обдумать, выстроить слова...

До здания суда два квартала, но пошли узенькие улочки, все забито машинами, вылезают даже на тротуар, и без того узкий, рассчитанный на многолюдье девятнадцатого века. С трудом припарковался, тут приходится быть виртуозом, вылез из чистого прохладного воздуха кондишена в пробензиненный, горячий от людской скученности, пропахший ладаном, восточными благовониями – вон буддистские палочки жгут через каждые два шага целыми пачками...

Пестрота, везде ларьки, люд покупает, продает, приценивается, и вообще впечатление, что это одна громадная тусовка... Я огляделся, так и есть: эсэмщики, расширяясь, отхватили себе и эту улочку, вон на стенах их атрибуты, да и девичьи, что расхаживают по тротуару в своем... гм... наряде...

Эсэмщиками либералы стыдливо называли садомазохистов, по первым буквам, хотя сами садомазохисты, напротив, гордятся своей древней историей, ведь их род от благородного маркиза де Сада, от блистательного Захер Мазоха, и зовут

себя открыто и гордо садомазохистами! На сегодня положение эсэмщиков от привычного гонения перешло в неустойчивую стадию, когда консервативное правительство еще не признает их права на существование, но уголовные и прочие статьи к ним уже не применяются.

На улице веселье, работают сотни павильонов, ларьков, открытых все двадцать четыре часа в сутки. А ночами здесь всегда их отвратительные, если на взгляд такого обывателя, как я, оргии. Эсэмщики, чувствуя свою близкую полную победу и полное признание своих прав в ближайшие дни или недели, ведут себя шумно, весело, устраивают демонстрации уже не только на «своей» улице, но и по всему городу. На прошлой неделе было нашумевшее сожжение троих на Красной площади. Впервые там сжигали себя не ради выколачивания каких-то уступок из правительства, а для собственно-го удовольствия.

Тогда подоспевшим спасателям объяснили, что эти люди уже перепробовали все: от примитивного нанесения себе ран до изысканных пыток кислотой, электротоком и галлюциногенами, а теперь настал их кульминационный час, они желают получить полный кайф!

Рядом со мной прошел человек с обрезанными ушами, кольцо в носу, на щеках жуткие следы от прижигания азотной кислотой, прокричал весело:

– Все во двор к баронессе Жемчужной! Старинные пытки прижиганием железом, «испанские сапоги», средневековая

дыба... а в завершение нашего праздника – казнь на колу!

Я почему-то представил на колу себя, содрогнулся. На лбу выступил пот, а колени сразу стали ватными. У меня слишком живое воображение, уж чересчур реалистично вообразил, как заостренный деревянный кол войдет в мою задницу, двинется под моим весом дальше, выше, разрывая кишки, внутренности, протыкая все в животе, а я все еще буду жить и корчиться от невыносимой боли.

Кричавший посмотрел на меня заблестевшими глазами, крикнул весело:

– Ага, балдеешь?.. То ли еще будет!

– А что будет еще? – спросил я.

– Ого! – прокричал он восторженно. – А колесование? А сдирание кожи заживо? Блистательная Изабелла решилась пройти сдирание от начала до конца. Представляешь, ей сперва надрежут кожу на пятках, а потом, ухватившись за края, будут медленно тянуть вверх, вверх, вверх... Представляешь? Треск отрываемой от тела кожи, брызги крови, этот немыслимый кайф, который получают все...

Я содрогнулся, представив этот кошмар. Обнаженная женщина, с которой сдирают кожу, ее дикие крики экстаза, толпа обезумевших двуногих зверей, что ловят кайф, расслабляются, оттягиваются по полной... Черт, но ведь я их тоже стыдливо называю эсээмщиками, а не садомазохистами, это уже шаг к признанию.

– Кожу снимут всю! – прокричал он мне вдогонку. – С

кожей лица, ресницами, бровями!.. С прической от Вовика Гарбузяна!

Здание суда на параллельной центральной улице, там трех– и четырехэтажные здания старинной кирпичной кладки. Даже внутри пахнет стариной, стены коридора в деревянных панелях, двери строгие, коричневые, без лишних украшений. Да и народ здесь серьезный или старающийся казаться серьезным. Ведь немало народа именно сюда ходят, как в цирк, получают кайф от судебных процессов вживую.

Навстречу мне вышла молодая женщина с милым усталым лицом, за руку вела ребенка лет пяти. Этот карапуз, держась за руку мамы, посмотрел на меня внимательно и серьезно, словно будущий пророк. Сердце внезапно кольнуло, что я – совсем не старик, буду уже мертв, когда этот ребенок войдет в мой возраст. Это несправедливо, природа не должна разбрасываться драгоценностями! А я – драгоценность.

Законы, правильные и даже мудрые в отношении животных, должны перестать действовать в отношении обладающих разумом. Разум не может примириться с мыслью, что надо уйти из жизни, как уходят жуки, мухи, коровы. Те не понимают, что уходят, а человек...

Впрочем, разум для того и дан, чтобы человек возмутился и сам взял себе полагающееся разумному существу бессмертие.

Но если мы разумные, то должны идти к нанотехнологиям

сознательно и целеустремленно, а не потому и не тогда, когда парфюмерным фабрикам понадобится особая губная краска, изготавливаемая с помощью нанотехнологий!

Я вздрогнул, ибо, углубившись в печальные и возвышенные мысли, едва не прошел здание суда насквозь, как терминатор винный ларек. В коридоре народ с угрюмыми и озлобленными лицами, я поинтересовался, где сейчас адвокат Вертинский. Ко мне сразу же прониклись заметным уважением и начали посвящать в тайны их тяжб. Кое-как отделившись, я проскользнул в сторону зала суда. Дверь закрыта, но в нее то и дело заглядывали. Похоже, ждут конца заседания. Я тихонько проскользнул в зал, неслышно сел в заднем ряду. В зале, рассчитанном на двести человек, не больше двадцати, из них трое подростков, что зашли, спасаясь от дождя, теперь зажимают девку, я видел, как с нее стащили трусики, она умело изогнулась, разгружая обоих сразу.

Вертинский, сильно постаревший за последний год, обрюзгший, со скучающим видом вслушивался в речь обвинителя. На самом деле, как я его уже знал, он мыслями где-то далеко, а за процессом в этом зале следит крохотная часть мозга, он это умел проделывать виртуозно. Насколько я понял из речи обвинителя, дело какое-то пустячное. Обвиняемому грозит штраф за то, что помыл руки в туалете. Сейчас это считается позорной дискриминацией отдельных частей тела, завуалированным оскорблением в адрес тех правозащитников, кто добивается полной свободы и равнопра-

вия. Лоху проще бы уплатить штраф, это копейки, но он завелся, подал в суд. Добро бы отстаивал свои права мыть руки, это бунтарство, но он старался доказать, что он лояльнейший гражданин, никогда ничего не нарушал, что у него есть грамоты и благодарности от Общества Американо-Русской дружбы и еще двух благотворительных кружков, где контрольный пакет имеют американцы. Обвинитель напирал, что виновный совершил явно выраженное сопротивление, ибо оно было совершено не в своей личной ванной, а в общественном туалете. На виду у других! Тем самым призывав к игнорированию общечеловеческих норм поведения.

Обвиняемый сидел с видом оскорбленного достоинства, на лацкане крупный значок с юсовским орлом, в петлице крохотный флажок со звездно-полосатым флагом. Даже в руках держал выпускаемый юсовцами толстый красочный журнал на изумительной бумаге «Твой стиль жизни».

Наконец Вертинский очнулся, жалко мямлил:

– Прошу суд учесть, что у моего подзащитного в тот день была поистине десятикратная нагрузка. Вот справки, подтверждения, результаты опроса его коллег. Его мысли были далеко... А так как он человек старшего поколения, то у него за прошедшие годы выработались определенные автоматические действия. Я прошу обратить внимание, что господин Костромитин в числе первых приветствовал приход сексуальной революции в нашу страну! Его дважды вызывали к ректору, с позволения сказать, университета, когда являлся

на лекции с серьгой в носу и выкрашенными в зеленый цвет волосами. Это, несомненно, говорит в его пользу. Такой человек не может быть противником реформ, априори!.. Он с восторгом принял и дальнейшие реформы, как-то: совместные туалеты, бесплатные футбольные матчи...

Судья поинтересовался:

– Каковы заключения врача о состоянии здоровья подсудимого? Врач присутствует?

– Да, господин судья!

Врач, немолодой замученный жизнью человек, что отпечаталось на лице, фигуре, голосе, зачитал с бумажки длинный список не то болезней, не то просто терминов, называвших части тела или органы по-латыни. По-моему, он просто издевался над нами. Чтобы это не было чересчур явно, он вставлял и знакомые слова, так что речь его звучала как передача на иностранном языке, где ухо выхватывает слова, уже вломившиеся в нашу речь.

– Психическая норма... – слышал я, потом полтора десятка латыни, затем снова: – ...с повышенным содержанием усталости... что, в свою очередь, провоцирует к... и к... что выражается в...

Судья сказал с тяжелым сарказмом:

– Все понятно, все предельно просто. А теперь повторите на языке, понятном даже судье, в чем это все... ну все-все, выражается.

Врач поморщился, сказал обыденным тоном:

– В нервозности, некоторой замедленности или, напротив, ускоренности немотивированных реакций...

– Ага, – сказал судья с удовлетворением. – Насколько велика усталость? Может ли повлиять... Сформулируем вопрос иначе: может ли эта усталость быть настолько сильной, чтобы привести к отключению сознательных действий подсудимого... и переключить его на бессознательные, автоматические?

Со своего места вскочил прокурор, очень живой молодой человек, похожий на штык в мундире, заговорил почтительно, однако с железом в голосе:

– Ваша честь, прошу обратить внимание, что, по Фрейду, базовые и есть основные, подлинные. Так что подсудимый, когда действовал бездумно, он выражал свою суть...

Судья молча обратил взор на врача. Врач прокашлялся, сказал неспешно, чувствуя именно себя вершителем судеб человеческих:

– Ваша честь, трудно ответить однозначно. Психиатрия – наука точная, но это не какая-нибудь голая математика. Любую реакцию можно истолковать двояко, человеческий организм на раздражители реагирует по-разному. Более того, один и тот же человек нередко в повторяющейся ситуации реагирует на стандартные раздражители парадоксальным образом!

– Это как?

– Иногда от повторения организм засыпает, иногда – при-

ходит в сильнейшее раздражение. Есть люди, которые от усталости падают и засыпают, извините за ненаучный термин, без задних ног, но они же иногда от такой же точно усталости не могут заснуть. Так что я, как представитель точной науки, затрудняюсь дать однозначный ответ.

Я ощутил, как все в зале зависло в шатком равновесии. Врач не стал брать на себя ответственность, а кто ее возьмет, если есть возможность переложить на кого-то еще, а это значит, что все зависит от судьи. Но судья тот же человек, хотя их по последнему постановлению и сделали независимыми до конца службы и дали статус неприкосновенности. Но судьи зависят от СМИ, родственников, знакомых, соседей, коллег, а это значит, что судья вынесет общечеловеческое решение... как только сформулирует, каким оно должно быть в данном случае.

Вертинский поднялся, сказал многозначительно:

– Ваша честь, прошу также учесть, что обвиняемый является активным членом двух обществ американо-русской дружбы, активным членом общества поддержки метателей дартса, а также активным членом кружка любителей аквариумных рыбок...

Глава 9

Я даже не врубился, при чем тут рыбки, но посмотрел на лицо судьи, сразу ставшее настороженным, уловил, наконец, что Вертинский сделал ударение на слове «активным». Судья испытующе рассматривал обвиняемого. Тупое упрямое лицо, исполненное осознания своей правоты. Похоже, он не смирится с обвинительным заключением, что на самом-то деле выражается в пустячном штрафе, а потребует пересмотра. Областной суд, республиканский, Верховный, затем суд в Гааге, которому негласно подчинен Верховный Суд России. На каком-то этапе могут отменить или направить на пересмотр, а это новая тягомотина. Да никто и не любит, когда его решения пересматриваются. У судей тоже есть неофициальный рейтинг, злорадно подсчитывают, чьи дела сколько раз пересматривались.

В полной тишине мы ждали, пока судья наклонял голову то к одному заседателю, то к другому, в этом суде все еще старая система народных заседателей, совещаются, затем судья поднялся, присяжные встали, а секретарь суда показала в зал знаками, что все должны оторвать задницы от кресел.

Мы встали, загородив спинами трахающихся... то бишь, осуществляющую свои законные права на сексуальные свободы молодежь. Я думал о своем, слуха достигали только отдельные слова, похожие на мерные удары большого старин-

ного колокола:

– От имени... властью, данной мне... в присутствии... объявляю решение суда...

Потом захлопали, кто-то закричал и вскинул кулак. Лица Вертинского коснулась слабая улыбка. Я понял, что процесс он выиграл и на этот раз.

Часть народа тут же двинулась к выходу, другие остались – завсегдатаи судов, они слушают все дела, это заменяет им телевизор, здесь интереснее, здесь живое, здесь воочию видно, что кому-то еще херовее.

Вертинский подхватил меня под руку.

– Привет! Давай быстренько заскочим в буфет. У меня горло пересохло. Третье дело за день! Такие мелочи...

– Измельчал народ, – поддакнул я.

– Да нет, крупных дел хватает, – возразил он, – но это обязателька! Кто не имеет возможности нанять адвоката, тому выделяет суд... Леночка, мне два стакана апельсинового сока и большой-большой бутерброд с икрой... Нет большого? Тогда два. Бравлин, а тебе чего?

– Кофе, – ответил я. – Маленькую чашку, но чтоб крепкий... А то чуть не заснул за рулем.

Он быстро и легко жестикулировал, блеснул глазами и зубами, сразу повеселевший и оживший, хотя в зале заседаний он казался мне пролежавшим во льдах Арктики пару сотен лет.

Мы уселись за столик, маленькое помещение быстро за-

полнилось народом. Я с наслаждением хлебнул горячий кофе.

– А от крупных дел сейчас свободен?

– Хочешь подкинуть что-то? Нет, дел по горло. Только, увы, дела по большей части неприятные. Грязные.

Лицо его омрачилось, сок пил морщась, словно лекарство.

– Политика?

– Не всегда. С усилением присутствия юсовцев участились случаи... да что там участились – скажем прямо: нацменьшинства бесчинствуют по России. Чечены и прочие насилуют русских девушек прямо на улицах. Юсовцы молчат, мол, не наше дело, и формально правы, а вот наше подлейшее правосудие, с оглядкой на юсовцев, защищает насильников и... будешь смеяться!.. даже обвиняет жертв насилия, потому что они... держись за стул, упадешь... якобы отказывали насильникам в сексуальных контактах *по национальному признаку* у! А это теперь криминал.

Горячая кровь била изнутри в череп с такой силой, что я на какие-то моменты вообще глох. В глазах стало красно от гнева, кулаки сами сжимались до скрипа в суставах. Задели самое святое: наших женщин... За это всех в огонь, под танки...

Как сквозь вату донесся сочувствующий голос:

– Смотри, не лопни. Я тут такого насмотрелся...

– Очерствел?

Он отмахнулся.

– И это тоже. Если бы дело только в юсовцах! А то сами из такого дерьма слеплены... Стараемся угадать, что юсовцы изволят, и делаем всю грязную работу за них... Я вообще не представляю, куда мы катимся. Вся жизнь, все века и тысячелетия все цивилизации строились на том, что создавали Порядок. И ограничивали, ограничивали, ограничивали свободы, ибо полная свобода – полная беда. Но вот люди, убежавшие от цивилизации, обнаружили за океаном пустые земли, заселили их и выстроили общество, где дозволено все, где свобода от всего и для всего... Сформировалась целая общность людей, юсовцев, которые уверены, что им должно быть хорошо!.. Не знаю, не знаю, во что это выльется... В смысле, для нас.

Он рассеянно дожевал последний бутерброд, запил. Мелкий кадык двигался часто, нервно.

– Ты был, – спросил я, – на сожжении книг?

– На площади? Нет. Но догадываюсь, о чем хочешь спросить. Есть ряд вопросов, на которые отвечать не следует вообще. В принципе. Ибо они построены так, что как бы ты ни отвечал, всегда оправдываешься. То есть презумпции невиновности не существует, тебя обвиняют сразу... А вопросы самые обычные: «Вы фашист?» ...националист, антисемит и т. д. И вот уже человек, растерявшись, начинает жалко мямлить, что он не фашист, а только за сильную власть, а ты оправдываешься, оправдываешься, а кто оправдывается, изначально проигрывает, ибо если человек оправдывается, то

он уж точно виноват...

Я сказал хмуро:

– Вопрос может быть поставлен еще хитрее. К примеру, «Почему вы стали фашистом?» или «Зачем проповедуете фашизм?». То есть, что ты фашист, уже как бы и не обсуждается, с этим все ясно.

Прозвенел звонок. Вертинский взглянул на часы, охнул, сказал торопливо:

– Закончим позже. У меня прямо сейчас еще одно дело. Я в нем выступаю обвинителем. Подождешь?

Я поморщился.

– Ненавижу эти суды, заседания...

– Это на четверть часа, – заверил он. – Пустячок. Будет слушаться дело о защите чести и достоинства.

Я заинтересовался.

– Ого! Даже не знал, что сейчас могут быть суды по таким вопросам. Даже слов таких давно не слышал.

– Да? – спросил он со странной интонацией. – Тогда останься, послушай. Для тебя кое-что будет внове...

В зале уже было несколько человек, все несколько взвинченные, среди них я с удивлением узнал своего соседа по этажу Пригаршина. Правда, он не с нашей стороны лифта, а с противоположной, там такие же четыре квартиры, две из которых занимает Рэнд, чемпион по спитфлаю, третью – Шершень, а Пригаршин живет в четвертой, самой крохотной. Я знал его как яростного сторонника всяческих свобод, даже

Майданов его сторонится как экстремиста, а к нам на чай он заходил, только если за столом не было Лютового.

Пригаршин был бледен, взвинчен. Я не удивился даже, когда Вертинский сел рядом с ним. Ага, это Пригаршин возбудил, значит, иск о защите чести и достоинства. Здорово, от него не ожидал, если честно.

Судья провозгласил скучным голосом:

– Слушается дело гражданина Пригаршина против гражданина Кузнецова... дело о защите чести и достоинства гражданина Пригаршина, которое... которое поправил гражданин Кузнецов... Внимание секретарю: на будущее следите за распечатками или срочно смените картридж!.. Гражданин Пригаршин вменяет гражданину Кузнецову иск о нанесении ущерба и просит о возмещении иска в размере пятисот тысяч двухсот семидесяти долларов...

Пригаршин привстал и выкрикнул быстрым торопливым голосом:

– Все деньги тут же прошу перевести в детский фонд!

Вертинский дернул за полу пиджака, судья смерил его строгим взглядом, кивнул Вертинскому:

– Что вы имеете сказать за этого человека?

Вертинский встал, неторопливо поправил галстук, прокашлялся. Все взгляды были на нем. Он заговорил хорошо поставленным голосом, что сразу приковывает внимание:

– Мой клиент обвиняет гражданина Кузнецова в нанесении ему тяжкого оскорбления, что задевает его честь и до-

стоинство! Наносит ущерб репутации и негативно сказывается на его карьере, продвижении по службе, отношениях с коллегами.

Судья нахмурился, стукнул молотком по столу.

– Переходите к делу.

– Спасибо, ваша честь, я как раз собирался... Неделю назад в присутствии свидетелей... вот, пожалуйста, список, все уже вызваны и почтительно ждут ваших вопросов... ага, неделю назад гражданин Кузнецов прилюдно назвал моего клиента гражданина Пригаршина воспитанным человеком!.. И тут же, не давая опомниться, усиливая оскорбление, он вообще обозвал его... представьте себе – хорошо воспитанным человеком! Мы видим, что это вовсе не оговорка, это было сделано сознательно и умышленно...

В зале настала тишина. Пригаршин гордо выпрямился, но большинство в огромном помещении, похоже, не врубилось. В том числе и судья с народными заседателями.

Судья подумал, сказал важно:

– Я вижу... многим надо пояснить суть вашего заявления. Прошу вас.

Вертинский гордо подбоченился, в нем умер артист, возможно – великий, красиво прошелся по свободному пространству между столом заседаний и первым рядом стульев.

– Обвиняемый нагло утверждает, что он не имел-де намерения оскорбить моего клиента!.. Мол, когда-то все это о хорошем воспитании воспринималось как комплимент! У него

хватило наглости вспоминать царские и сталинские времена Советской власти... кстати, это тоже можно подшить к делу... но мы будем великодушными и ограничимся только иском о защите чести и достоинства, оставив на его совести попытки возродить диктатуру и сталинские ГУЛАГи. В наше просвещенное и свободное от всего время обозвать человека воспитанным – значит дико и грязно его обругать. Нет, даже оскорбить! Это очень серьезное нанесение урона достоинству, что неизбежно сказывается на карьере, взаимоотношениях в семье, на службе, с соседями и вообще в обществе.

Судья поморщился, обалдевшие заседатели синхронно склонились к нему и жарко зашептали в уши. Судья кивнул, обратился к Вертинскому:

– Пожалуйста, мотивируйте. Нам понятно все, что естественно для суда такой квалификации, но нам важно, чтобы наши действия были понятны простой общественности.

Вертинский бросил короткий взгляд на поредевшую общественность, из прошлого состава остался только я да трое тинейджеров, что неумоимо выравнивали гормональное равновесие.

– Господин судья, – сказал он с достоинством, – мы знаем, что собака – друг. У меня самого есть собака, превосходный доберман, который занимает половину кровати, в то время как мы с женой ютимся на другой половине... Это отступление необходимо потому, что я, любитель собак, все же обижусь, если меня назовут собакой. Или сравнят с собакой.

Или припишут мне какие-то собачьи качества... Так вот, когда обвиняемый обозвал моего клиента воспитанным человеком, он оскорбил его, оскорбил как гражданина свободной страны с ее общечеловеческими свободами и общечеловеческими ценностями.

Судья прервал:

– Сформулируйте, пожалуйста, обвинение почетче.

– Пожалуйста! Воспитывают теперь только собак, да и то все меньше и меньше, ибо теперь и домашние питомцы имеют свои неотъемлемые права. Человека воспитывали только в крепостные времена несвободы, а теперь человек только получает образование. Вот и все. Воспитывать человека – подавлять его Я, что недопустимо при современных свободах и общечеловеческих ценностях.

Один из помощников судьи наклонился, что-то шепнул. Судья кивнул.

Адвокат Кузнецова поднял руку:

– В речи прокурора заметна неточность. Как известно, воспитывают не только собак. В цирке воспитывают и слонов, и...

Вертинский поморщился, судья стукнул молоточком по медной наковальне.

– Уточнение принято. Просьба продолжать.

Вертинский поклонился.

– Спасибо, ваша честь. Продолжаю. Мы гордимся своими достижениями в освобождении человека от устаревших

догм. Догмы сковывали его сущность, его подлинное Я. При всеисилии догм все истинные чувства загонялись в узкие рамки пристойности... Причем, заметьте, всякий раз разной для каждой из эпох, что говорит лишь о том, что все это выдуманное! Всякий раз воспитывали по-другому, учили вести себя и держаться иначе, что говорит лишь о ложности...

Он остановился перевести дух, а по-моему, уже запутался в длинной фразе и не знал, как выкарабкаться из частотола деепричастных оборотов. Судья благосклонно кивнул, Вертинский откашлялся и продолжал звучным прокурорским голосом:

– А истина в том, что любое воспитание – ложно! И не случайно оно было поставлено вне закона. Взамен была усилена образовательная составляющая. Образование, образование, образование!.. Воспитанием, если еще можно употребить это оскорбительное слово, у нас в какой-то мере занимаются СМИ, причем ненавязчиво, ведь человек сам выбирает те или иные варианты, мнения экспертов, которые ему лично ближе, роднее, понятнее. Это уже не воспитание, а сознательный выбор тех или иных моделей поведения, которые общество в лице лучших профессионалов предлагает сразу несколько. Потому мы, посоветовавшись со специалистами, приняли решение об иске о возмещении ущерба в размере пятисот тысяч двухсот семидесяти шести долларов в пользу пострадавшего.

Судья начал совещаться с присяжными, я глядел по сто-

ронам, затем вдруг нахлынуло острое чувство нереальности происходящего, затем еще более острое ощущение, что со мной это все происходило, но вот только не могу вспомнить, где и когда сидел вот так, слышал все это, ведь повторяется до точности... И еще – острое, как укол, чувство, что мне надо торопиться. Очень торопиться, ибо часы уже пошли. На далеком таймере пошли отсчитываться секунды до... не знаю – взрыва? Столкновения с кометой? Экологической катастрофы?

Судья, не договорившись с присяжными, увел их в комнату для совещаний. Впрочем, сидели там недолго, секретарь объявила:

– Всем встать, суд идет.

Мы послушно встали, судья прокашлялся и объявил:

– Суд признает иск справедливым, но сумму иска находит несколько завышенной. Дело в том, что новые моральные ценности, что несет планете и человечеству благословенная империя Штатов, еще не проникли во все слои населения. Гражданин Кузнецов, как мы видим, является представителем старшего поколения, у которого телевизор принимает только две бесплатные телепрограммы для бедных слоев населения. Он практически лишен возможности следить за новостями и приобщаться к общечеловеческим ценностям. У него даже нет подключения к Интернету!..

Заседательница наклонилась, что-то жарко зашептала в ухо. Судья кивнул, продолжил:

– Суд обязывает удовлетворить иск гражданина Пригаршина в объеме ста долларов. Гражданину Кузнецову вынести порицание. Но, учитывая, что гражданин Кузнецов – пенсионер, не в состоянии будет выплатить штраф, то штраф будет возмещен из судейской казны, предусмотренной для подобных случаев.

Вторая заседательница пошептала судье на ухо, и он продолжил чуть повеселевшим голосом:

– Районным властям – усилить полную интернетизацию всех квартир в их районе!.. Неимущие и малоимущие должны быть подключены к Интернету за счет выделенных на этот случай бюджетных фондов. Все, заседание окончено!

Молоток с грохотом опустился на стол.

Вертинский подхватил меня под руку, мы двинулись к выходу. На полдороге к Вертинскому с другой стороны пристроился молодой упитанный мужчина, по всем признакам – юрист: лицо юриста, глаза юриста, а уж манеры так и вовсе адвоката.

– Иван Данилович, – сказал он хорошо поставленным, богатым на оттенки голосом адвоката, – а что вы посоветуете насчет давления садомазохистов? Ведь реабилитировав геев, мы просто обязаны сделать следующий шаг! Движение садомазохистов требует внести их в списки избирателей. В Центре они арендовали, а потом и выкупили большое здание, старинный особняк какого-то боярина, ставшего князем. Да,

в районе Бульварного кольца! Задним числом насочиняли легенд, что он был тайным садомазохистом, в его имениях проводились оргии, после которых обезображенные окровавленные трупы вывозили на трех-четырех телегах... Брать или не брать это дело?

Вертинский сказал с ленивой усмешкой:

– Эдуард, признайтесь, вы уже приняли, я вас знаю!.. И взяли крупный аванс, вы начинаете всегда с этого. Какого совета ждете от меня?

Адвокат по имени Эдуард даже не смутился, сказал с наигранным возмущением:

– Я просто встал на сторону свободы! Не понимаю, откуда эта тупоумная страсть все запрещать и всему препятствовать?.. Точно так же совсем недавно велась кампания против зоофилии, а еще раньше – против педерастии!.. Но вот разрешили и... что? Да ничего не произошло. Ни небо не рухнуло, ни землетрясения не случилось, ни огненный дождь с небес... Все живут, как и жили. А эти садомазохисты... Если живут своим миром, своими увлечениями, то какое мне дело до их хобби? Термин «политкорректности» придуман не случайно. Слишком много в нашем обществе нетерпимости, зла, ксенофобии!

Вертинский сказал с сомнением:

– Да против классического садомазохизма никто вроде бы и не возражает!.. Но когда они приносят в жертву людей, особенно – младенцев...

Эдуард поморщился.

– Никто не стоит на месте. Развивается и садомазохизм. Почему он обязательно должен быть классическим? Сейчас не времена маркиза де Сада! Сейчас новые веяния, новые течения. Главное, чтобы были соблюдены права личности и... общечеловеческие... да-да... общечеловеческие права индивидуума. А человек, между прочим, вправе распоряжаться своей жизнью. Это в старину церковь наложила запреты, дескать, жизнь человека принадлежит Богу, только он вправе ее отнимать... А потом еще добавили, что принадлежит и Отечеству, царю, народу, партии! Сейчас же полная свобода от всего!.. И если человек хочет умереть красиво на дыбе или даже посаженным на кол, то нельзя ему отказывать в таком удовольствии... тем более что для других еще большее удовольствие – сажать его на кол, сдирать с живого кожу, выкалывать глаза, обрезать уши, рвать волосы...

Вертинский хохотнул:

– Ты об этом с таким удовольствием? Сам ты не садист?

Эдуард заколебался, пугливо взглянул на меня, что-то я все время молчу, только слушаю, в самом деле, не пора ли переходить в стан этих сексменьшинств, как раньше перешел в предыдущие, но еще раз посмотрел на наши морды, ответил с двусмысленной улыбкой:

– Садист есть в каждом, почитайте Фрейда... Добавлю, в каждом из нас! Так что не зарекайтесь. Я считаю, что нельзя мешать людям получать им свои удовольствия. Конечно, ес-

ли это не нарушает общественный порядок, не создает пробки на улицах, не ведет к увеличению преступности и росту банд.

Вертинский напомнил:

– Но они нередко приносят в жертву и младенцев!

Эдуард поморщился.

– Вы уверены, что это садомазохисты? Может быть, все же члены сатанинского культа?.. А как вы считаете?

Он обращался напрямую ко мне. Я ответил с полнейшим спокойствием, хотя внутри моего котла уже кипело:

– Сатанинские культы тоже разрешены. Наша православная церковь что-то повякала слабо, но власти выдали лицензии, зарегистрировали, так что все путем... Вообще-то я тоже считаю, что надо убрать последние преграды на пути человека к свободе.

Эдуард расплылся в улыбке, тем более что Вертинский не нашелся, что возразить мне, только пожал плечами. Когда мы вышли на улицу и уже двигались через улочку эсэмщиков к моей машине одни, он спросил сердито:

– Ты это чего? В самом деле так думаешь?

– В самом, – ответил я. – Пусть рухнут все плотины разом. Пусть обыватель захлебнется в собственном дерьме.

Он посмотрел на меня искоса.

– Жестокий ты человек.

– Я?

– Не замечал?

Я ответил искренне:

– Нет, абсолютно.

Он вздохнул:

– А я давно заметил. И не мог понять, как такая жестокость... или жесткость уживается с твоей, как бы мягче сказать, одаренностью. Ведь ты был надеждой и гордостью нашей профессуры!.. И когда ты вдруг все бросил, ушел... Это был для всех шок.

Я сказал с неловкостью:

– Да я вроде бы и сейчас не голодаю.

– Я знаю, – ответил он с горечью. – Доходили слухи, что ты перепробовал и лингвистику... правда, что искал Универсальный язык, который решит все проблемы?... и социологию, и математическую символику, и еще кучу странных вещей. Везде преуспел, в деньгах не нуждаешься, хотя мог бы стать миллиардером... но в юриспруденции ты мог ты стать Номером Первым!.. Эх, ладно. Что у тебя? На красный свет снова попер или юсовца сбил?

– Нужна консультация, – ответил я туманно.

Он сыто расхохотался.

– Не по юридическим ли аспектам нового учения?

Я уставился с испугом и удивлением.

– А ты откуда знаешь?

– Да щас все их ваяют, – ответил он хладнокровно. – Время такое... Когда все хорошо, все прут вперед с песнями, как щас в Юсе. Когда хреново – останавливаются и непонимаю-

ще щелкают по сторонам хлебами. Когда совсем хреново – начинают думать. А когда уж совсем, как в России, тогда начинают продумывать... так сказать, неэкономические выходы из кризиса.

Я переспросил:

– Неэкономические? Уже и термин такой есть?

Он отмахнулся:

– Да это я прям щас придумал. Я ж юрист!.. Я те что хошь придумаю. Вот только выход так просто не придумаешь, увы. Я вот сперва даже на церковь подумал, дескать, самый удобный для нее повод появиться и спасти, вытащить, повести за собой с факелом в длани, рассеивающим тьму... Ни хрена! Раскрой последние страницы газет, журналов, включи телевизор, послушай радио! Везде объявления колдунов, магов, шаманов, ясновидящих, волхвов, бабок-приворотниц и отворотниц, насылателей и снимателей порчи... Сейчас даже не Средневековье – в Средневековье церковь еще как дралась со всем... этим, – а вообще эпоха пещерных медведей. От церкви остались только массивные нелепые сооружения да клоуны в ризах, что водят туристов по залам. Церкви как таковой нет, организации нет, о церкви уже ни один серьезный политик не говорит. Несерьезный – тоже. А я – юрист! Что значит – трезвейший из людей. Смотрю по сторонам – и не вижу. Ни в упор не вижу, ни издали не зрю.

– Хреново быть юристом, – сказал я. – Чересчур трезвые люди.

– Ты же был юристом!

– Это было давно, – ответил я. – В каком-то смутном или мутном детстве. Хотя ты прав... когда Иудея оказалась под римским сапогом, а все восстания были утоплены в крови, по всем дорогам косяками поперли сотни лохматых пророков, каждый проповедовал свой неэкономический и невоенный выход из кризиса.

«Форд» распахнул перед нами двери, Вертинский удивленно покрутил головой, на фиг такие добавочные сервомоторы, даже сел с опаской, будто в зубоврачебное кресло. Я включил зажигание, мы выехали на дорогу, Вертинский сказал мрачно:

– Уже понятно, что США будут уничтожены. Уничтожение началось, дальше пойдет, как лавина. Козе понятно, что в нашем изнеженном мире преимущество получает та формация, назовите ее народом, религией или чем хотите, члены которой в большей степени готовы отказываться от изнеженности. Которые могут больше перенести трудностей. У которых есть Цель. Как ты понимаешь, жить хорошо и с максимумом удобств – это не та цель, с которой можно победить. Тем более людей, которые намерены идти к Богу.

– К Богу?

Он отмахнулся.

– Да назови этого Бога, как желаешь: коммунизм, царство Божье, четвертый рейх, Талибан...

– Наука, – подсказал я с ехидной улыбочкой.

– Наука, – согласился он серьезно. – А что?.. Допустим, у тебя... нет, я такое даже допускать не хочу, давай предположим, что у кого-то злокачественная опухоль, в просторечии – рак, осталось жить три года, а ученые обещают, что вот-вот отыщут вакцину против всех видов этой гадости. Разве этот кто-то не станет молиться на науку? Не станет желать ей успеха?.. Если от его голоса будет зависеть: куда отдать миллиард бюджетных долларов – на закупку оборудования для онкологического Центра или на постройку новой фабрики по производству особо влажной губной помады?

Я сказал поощряюще:

– А от этого всего один коротенький шажок до того... кому отдать свой собственный кровный рубль: на развитие науки или на эту вашу губную фабрику.

Вертинский запротестовал:

– Это не моя!

– Точно? – усомнился я. – А я слышал...

– Брешут, – сказал Вертинский. – Я так и не купил ту фабрику. Слишком заломили... Так что я все еще за науку. Но только, знаешь ли...

Он запнулся. Я сказал грубо:

– Ну-ну, телись.

– Фабрика губной помады... вот она. Я сразу вижу, когда она на женских губах.

– Фабрика? – спросил я с интересом.

– Не придирайся, – огрызнулся он. – Надо, чтобы и наука

сразу бросалась в глаза. Как губная помада. Я говорю путано,
да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.